

Мікалай УЛАШЧЫК

МЕМУАРЫ І ДЗЁННІКІ

як крыніцы па гісторыі БЕЛАРУСІ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

Мікалай Улашчык

Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі

З рукапіснай спадчыны

ИЗ КНИГ
ИЛЬКЕВИЧА Н
№

Мінск
Пейто
2000

УДК 947.6 : 930.221
ББК 63.3 (4Беи)
У 47

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы

Укладальнікі: Я.М.Кісялёва, В.У.Скалабан

Рэдакцыйная калегія: *Н.М.Дзятчык, П.П.Журкевіч, А.К.Каўка, Э.М.Савіцкі, В.У.Скалабан, А.М.Улашчык, У.В.Фядосаў*

Рэцэнзенты: *кандыдат гістарычных навук М.Ф.Шумейка, кандыдат філалагічных навук Я.Я.Янушкевіч*

Улашчык М.

У 47 Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі: З рукапіс. спадчыны / Уклад.: Я.М.Кісялёва, В.У.Скалабан; Рэдкал.: Н.М.Дзятчык і інш. — Мн.: Пейто, 2000. — 86 с.

ISBN 985-6024-27-7

Друкуюцца завершаныя раздзелы і падрыхтоўчыя матэрыялы з няскончанай кнігі пра мемуары і дзённікі па гісторыі Беларусі, над якой М.М.Улашчык (1906—1986) працаваў у апошнія гады жыцця.

Для гісторыкаў, літаратуразнаўцаў, архівістаў, студэнтаў, краязнаўцаў.

ISBN 985-6024-27-7

УДК 947.6 : 930.221
ББК 63.3 (4Беи) + 63.21999

© БелНДІДАС, 2000
© Улашчык М.М., тэксты, 2000
© Кісялёва Я.М., Скалабан В.У., укладанне, каментарый, 2000
© Скалабан В.У., прадмова, 2000
© Пейто, вокладка, 2000

“Была б вострая і цікавая кніга...”

“Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі” — адна з нясконченых прац Мікалая Мікалаевіча Улашчыка. Тэма планавалася яму як навуковаму супрацоўніку сектара крыніцазнаўства дасавецкага перыяду Інстытута гісторыі СССР АН СССР на 1981—1986 гг. У асабістым архіве вучонага, што зберагаецца ў Аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, выяўлены ліст (машынапісная копія), накіраваны ў дырэкцыю інстытута за подпісам загадчыка сектара доктара гістарычных навук В.І.Буганава. Прывядзём дакумент на мове арыгінала:

“Тема: Мемуары и дневники как источники по истории Белоруссии (середина XVI — середина XIX столетий).

Обоснование необходимости работы подобного рода. В настоящее время исследований, посвященных мемуарам и дневникам, нет. Очевидно, в связи с этим в научной литературе ссылок на подобные виды источников не встречается (ссылки на мемуары есть лишь в работах, касающихся Отечественной войны 1941—1945 гг.).

Мемуары и дневники, содержащие материалы по истории Белоруссии, имеются с середины XVI ст. (т[ак] н[азываемый] дневник Евлашевского), за более поздний период их имеется немало. Писались дневники и мемуары едва ли не исключительно шляхтичами на польском языке. Некоторые из авторов занимали видные посты в государстве (минский воевода Завиша, витебский — Храповицкий, новогрудский каштелян Обухович, берестейский — Матушевич), оставили свои записки также Радзивиллы. Из дневников, кроме документов личного порядка, есть и общественные. В сущности, это протоколы заседаний сеймов и сеймиков. Наибольшее значение среди них имеет Дневник Люблинского сейма.

Содержание как мемуаров, так и дневников разное, что зависело от уровня знаний, осведомленности автора и его интересов, социального положения и пр. Многие из мемуаров писались во время бесчисленных войн и содержат в основном сообщения о военных событиях, другие представляют наибольший интерес для уяснения бытовых условий, интересы некоторых сосредоточены главным образом на делах хозяйственных и т. д.

Ориентировочный план работы. Работа предполагается частично характера археографического, т. е. должна отвечать на вопросы, где в настоящее время находится рукопись (если она существует), в каком она виде, кем, когда и по каким правилам была опубликована, как была встречена читателями, имеются ли перево-

встречена читателями, имеются ли переводы на другие языки. Естественно, что каждая работа должна быть проанализирована с точки зрения ее содержания.

Предполагается также уяснить, какие из неопубликованных мемуаров и дневников находятся в разных хранилищах.

Объем работы — 18 листов. Срок исполнения — первый квартал 1986 г."

Над гэтай кнігай Мікалай Мікалаевіч працаваў да апошніх дзён свайго жыцця. Да 3 ліпеня 1986 г. ён быў у Інстытуце гісторыі кансультантам, а 14 лістапада 1986 г. на 81-м годзе адышоў у вечнасць, пакінуўшы ўнікальны запавет "Што ня зроблена"[1]. З яго вынікае, што вучоны разглядаў манаграфію пра мемуары як трэці выпуск вялікай працы пра публікацыю крыніц па гісторыі Беларусі ("Нарысы па археаграфіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі феадальнага перыяду" 1973 года лічыў 1-м выпускам, "Уводзіны ў вывучэнне беларуска-літоўскага летапісання" 1985 года — 2-м выпускам, у 4-ы выпуск меркаваў даць агляд юрыдычных матэрыялаў). Але паслухаем самаго Гісторыка.

"Гэту тэму распачаў, але, бясспрэчна, не скончу. Пакуль перачытаў і зрабіў нататкі з успамінаў Храпавіцкага, Маскевіча, Абуховічаў, Вайніловіча, Матушэвіча. У Кракаве перачытаў, але не зрабіў ніякіх запісаў з "Паментнікаў" Корвін-Мілеўскага. Яшчэ перад вайною ў мяне былі ўспаміны пра вайну 1812 г., калі ён быў на Беларусі (ці толькі пераходзіў праз яе), тое ж — нямецкага афіцэра. Гэты матэрыял (пра 1812 г.), пэўна, бязмежны. Вялізная колькасць успамінаў пра паўстанне 1831 г., у большасці выдадзеных у Пуацье. Пра 1863 г. на Беларусі бачыў мала. Павінна быць значная колькасць. Спецыяльна не займаўся, але павінна быць надта многа пра 1917—1920 гг.

Калі не браць усяе тэмы, якую ўсё роўна не абхопіш, то варта было б узяць Вайніловіча, Корвін-Мілеўскага, Ваньковіча ("Шча-нячыя гады") і Касакоўскага (сем тамоў памятнікаў Касакоўскага знаходзяцца ў Бібліятэцы Акадэміі навук у Варшаве)[2]. Варта дадаць яшчэ Пілсудскага і каго-небудзь з блізкіх да яго людзей. Была б вострая і цікавая кніга на 8—10 аркушаў"[3].

Публікацыя раздзелаў з нясканчанай кнігі М.Улашчыка пра мемуары істотна дапаўняе раней выдадзеныя працы даследчыка, не толькі дазваляе азнаёміцца з творчай лабараторыяй вучонага, але па-свойму падкрэслівае значнасць збору, апрацоўкі, выдання і вывучэння мемуарнай і эпісталярнай спадчыны самаго вучонага. "Хроніка" Мікалая Улашчыка (як надрукаваныя раздзелы, так і рукапіс, што знаходзіцца ў А.М.Улашчыка — сына вучонага) ужо стала аб'ектам навуковага аналізу Л.Званаровай, якая засяродзілася на параўнанні вобразу часу ў "Хроніцы" і ўспамінах Зінаіды Гіпіус (у зб. "Русь—Літва—Беларусь".

Зінаіды Гіпіус (у зб. "Русь—Літва—Беларусь". М., 1997). Неацэнным скарбам уяўляюцца і нататкі Аляксея Каўкі "Роздумы на схіле", зробленыя ў 1983—1986 гг. у часе гутарак з Мікалаем Мікалаевічам і ўключаныя аўтарам у спецыяльны раздзел "Казаў Улашчык" яго кнігі "Будам жыць!" (Менск—Масква, 1998).

* * *

Тэксты, што склалі кнігу, захоўваюцца ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы імя Якуба Коласа, яны ўяўляюць сабой пераважна машынапісы з рознай ступенню падрыхтоўкі да друку, маюць рукапісныя праўкі і ўстаўкі. Некаторыя тэксты з'яўляюцца рукапіснымі накідамі са шматлікімі скарачэннямі, у гэтых выпадках скарачэнні разгортваліся без агаворак, назвы такіх тэкстаў пазначаны літарай **Н.**

Тэксты друкуюцца ўпершыню, за выключэннем "Воспоминаний" Эдварда Вайніловіча, што былі ўключаны ў зборнік "Русь—Літва—Беларусь".

Укладальнікі ўніфікавалі бібліяграфічныя апісанні, выправілі арфаграфічныя памылкі, зверылі цытаты. Прапушчаныя ў арыгінале словы ўстаўлены ў квадратных дужках. Лічбавыя заўвагі належаць аўтару, заўвагі складальнікаў адзначаны зорачкай.

Віталь Скалабан

---

[1] Упершыню надрукаваны ў "Беларускім гістарычным аглядзе", 1996, том 3, сшытак 1, с.44—46.

[2] Успаміны М.С.Касакоўскага зберагаюцца ў Архіве Польскай акадэміі навук у Варшаве. Успаміны М.М.Улашчык часам называў "памятнікамі" (ад польск. pamętniki).

[3] Цытуецца паводле арыгінала, што зберагаецца ў Аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ імя Я.Коласа НАН Беларусі.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что собой представляют мемуары в качестве исторического источника, известно давно. Написанные часто спустя много лет после описанных событий, они не могут отличаться точностью, даты и имена в них нередко спутаны, диалоги обычно изобретены автором, но вместе с тем они дают то, чего недостает официальным источникам: доносят атмосферу своего времени, сообщают детали, которых нельзя найти ни в каких официальных и неофициальных документах.

Для историографии Белоруссии вопрос о мемуарах обстоит очень остро, так как ими до последнего времени почти никто не пользовался и тем более не пытался дать источниковедческой оценки.

Родоначальником белорусской мемуаристики можно считать новогрудского подсудка (заместителя судьи Новогрудского воеводства) Федора Евлашевского. В литературе за его произведением утвердилось название "Дневник", но он написан в течение не более чем двух лет перед самой смертью автора (об этом см. ниже). Это один из немногих авторов, писавших по-белорусски (на старобелорусском языке), после него на том же языке писал еще игумен Афанасий Филиппович.

В XVII ст. Белоруссия дала ряд авторов, но все они писали на польском, реже — на латинском языке, значительная часть этих мемуаров описывает события, происходившие за пределами Белоруссии, в особенности много о России. Семнадцатое столетие, особенно начиная с 1648 г., было чрезвычайно бурным, целыми десятилетиями не прекращалась война и поэтому значительная часть мемуаров касается военных событий. Авторы XVII ст. — шляхта, большей частью средняя, хотя писали и магнаты. Мемуары XVIII ст. касаются в гораздо большей мере обстановки в мирное время, много внимания уделялось борьбе магнатов между собой, разного рода событиям, происходившим на сеймиках, гораздо меньше писали о хозяйстве.

Разделы Р[ечи] П[осполитой] и обстановка в это время в Белоруссии отмечены мало.*

Маскевич Самуил. "Паментники"**, что можно перевести как "мемуары". Издал учитель Виленской гимназии Ян Закржевский в 1838 г. Предисловия, а вместе и биографии Маскевича нет. Боль-

---

* Відавочна, што тэкст "Предисловия" няскончаны.

** Maskiewicz Samuel. Pamiętniki do historyi Rossyi i Polski wieku XVI i XVII. Wilno, 1838.

шая часть "памятника" имеет вид дневника, т. е. записи следуют с указанием дней. Но на самом деле видно, что это писалось по памяти, спустя много времени. Почти целиком отсутствует разбивка по дням в записях за 1610—1611 гг., когда Маскевич излагает свои наблюдения за жизнью русских в Москве (с.37—52). Далее следуют отметки о днях начиная с 4 апреля, возможно, что в эти дни делались какие-то отметки, но весь памятник писался позже. Датированные записи следуют до конца января 1613 г. (с.52—75). Записи Маскевича представляют источник первостепенного значения при изучении интервенции 1611—1612 гг. в Россию и, в частности, о захвате Москвы, тем более, что автор не ограничился описанием чисто военных дел, а постарался дать очерк жизни московской знати начала XVII ст. При этом он никак не старается показать своих в розовом свете, а противника очернить. О москвичах говорит с уважением, отмечая их храбрость и всеобщее участие в восстании и борьбе против интервентов.

Уйдя из Москвы, Маскевич какое-то время служил в войске на Украине, после чего приехал в свое родовое поместье на Новогрудчине, откуда, однако, часто отлучался то в Варшаву, то в другие места. О своей родной Новогрудчине он, в сущности, не сообщает ничего, и его "памятники" для истории Белоруссии представляют интерес только с точки зрения личности автора, его поведения, взглядов и т[ому] подобного.

Первые записи относятся к 1594 г. (д[олжно] б[ыть] к 1595), когда он мельком и неверно говорит о нападении Наливайко. Очевидно, писал по памяти, в большой мере — по слухам.

Вообще же память у Маскевича, видимо, была исключительная, дав ему возможность написать очень содержательную книгу о трагических обстоятельствах 1610—1612 гг.

М а с к е в и ч. Изд. 1838. Вильно. Предисловия нет. Изд[ал] учитель Виленской гимназии Ян Закоржевский.

1594. Наливайко "появился и делал в Литве много плохого. Имел несколько тысяч при себе людей, а гультайство около него собиралось, чтобы сваволить. Против пошли поветы и денежные люди" (с.1). Наливайко уходил, но под Лубнами "достал"* в руки карателей (с.1). О Могилеве Маскевич не знает.

1602. В том году появился царь московский Дмитрий, сын Иоанна, называемого тиран, у князя Адама Вишневецк[ого] в Брагине. Далее все известное о встрече у короля, о Марине Мнишек. Годунов с женой и сыном отравились (с.2).

---

* попал *(польск.)*.

1605. Маскевич с отрядом отправился в Брагин к Вишневецкому, но, узнав о смерти Лжедмитрия, остался там, потом поехал во Львов (с.3).

1606 1 февр. Глебович женился на кн. Корецкой, взял приданого 30 тыс. "готовкой" (с.3). Мясопуст польский и русский (с.4). В деревне Язловецкого взбунтовались "хлопы". Их много было посечено (Подолия) (с.4).

1607 (июль?). В Гродно была конфедерация, к которой примкнул король (с.9). Появился второй Дмитрий (с.9). Везде Украина, но что вкладывалось в этот термин? Маскевич все время в движении по Украине и Польше в составе хоругви (с.9—11). Мать была в Сервечу (с.11). В войске короля, шедшего к Москве было 12 тыс., кроме пехоты, литовских татар и запорожцев (с.11). Что представляло собой войско и волонтеры, хорошо узнали как Литва, так и Русь Белая, где это войско проходило (с.11) (большие шкоды причиняли) (с.11). Часть войска скоро возвращалась домой с добычей, добытой (неясно)* за границей (с.12). Описание положения и укреплений Смоленска (с.12). У Дорогостайского, командовавш[его] литовскими силами, было 700 [человек] пехоты и 6 орудий (с.13). Запорожцев было около 40 тыс. и еще все прибывали (с.15). Крестьяне у Смоленска прятались со скотом в лесах, их находили и отбирали скот (с.15, 16).

"Царика" нового выдвинул Меховский (с.18). Перечисление, какие отряды пошли к Тушину (с. 18, 19). Всего около 40 тыс., а запорожцев раза в два больше (с.19). Заруцкий с Волыни (с.19). В обозе везли живность и деньги (с.20). Ян Сапега после бегства самозванца в Калугу стал у самозв[анца] гетманом вместо Рожинского (с.20). От Смоленска до Рославля шли лесами, болотами, где иногда только птица пролетала, от змей и мелких мушек падали лошади (с.23).

Битва под Клушином 4.VII.1610? (с.25—29). После этого двинулись к Москве. Навстречу выехало много бояр, которые принесли присягу Владиславу и сообщили о пострижении В.Шуйского (с.30). 12 июля приехали к Можайску (с.30). У столицы были 22.VII (с.30). 2 сентября Мстиславский пригласил к себе в гости. Следует описание угощения и забав на пиру (с. 32, 33). 9 октября вошли в Москву, свернув хоругви (знамена) (с.33). Своевольничали, включая жен и дочерей виднейших бояр (с.33). Маскевич стал на дворе брата Шуйского, рядом с домом Головина, брат которого жил на Жемайтии. Они подружились и обещали сообщать друг другу в случае опасности со стороны своих (с.38), но "бунт начался как гром" (с.38). Маскевич бывал в Москве на свадьбах. Описывает пиры у

* Так у арыгінале.

московской знати, насмешки русских, что поляки танцуют (несолидно), у русских же танцуют только блазны (с. 39, 40). О судах (с.41—42), о трезвости, продаже спиртного, о том, что учить иностранные языки запрещалось, и лишь тот Головин, который был в Литве, скрытно учил латинский и немецкий (с.42—43). Царь у русских выше закона, вернее, царь — это закон, все прочие бесправные (с.43). Краткое описание царского дворца в Кремле (с.44). Описание Москвы, Китай-города: извозчики, церкви (с. 46, 47). "И все это мы в три дня обратили в попел" (с.47). Восстание в Москве и уличные бои (с.49). Подробное описание, как сидели в осаде в Москве, как приходил Сапега и как из этого ничего не получилось, как потеряли Белый город. Подробно описал, как пытался сохранить свои сокровища (дорогой крест носил на шее, остальное добро, погруженное на коня, постоянно водил за ним "пахолик"*, но все это пропало) (с.66, 67). Как было организовано (спровоцировано) убийство Ляпунова (с.66). Когда стоял на Волге у Родни и напали москвичи, то у Маскевича был портной Андрей из Цирина (с.74). Рассказ о Бржезицком, пьянице, за которым раз приехала карета с чертом, чтобы забрать его в пекло. Не потеряв присутствия духа, Бржезицкий отговаривался, ставил условия, покуда не запел петух. Черти исчезли, Бржезицкий пошел в монастырь каяться, перестал пить водку и не пил ее полгода, а затем стал пить мальвазию больше, чем раньше водки (с.81—82).

Радзивилл Богуслав. Автобиография. Варшава, 1979. Редактор Т.Василевский. (Bogusław Radziwiłł. Autobiografia. Wstępem poprzędził i opracował T.Wasilewski).

Первые 99 страниц написаны Василевским. В сущности комментирована та же автобиография Радзивилла. За пределы записок Радзивилла Василевский почти не выступает. Очень много внимания родственным связям; едва ли это нужно в таком объеме и в такой работе. Сами записки Радз[ивилла] — с. 2—154. Его переписка с разными значительными лицами — с. 196—234. Затем итинерариум князя, составлен Василевским — с. 235—259. Комментарии — с. 267—316. Указатели: именной — с. 317—354 (указ[атель] комментированный), географ[ический] — с. 355—378.

Оснащена работа капитально, однако для меня значение ее очень невелико. О Слуцке, Несвиже, Минске и т. д. очень кратко, между прочим. Князь был космополит по рождению и воспитанию. Мечтал об удельном княжестве — Новогрудском воев[одстве]. Из автобиографии не видно, чтобы это была фигура значительная.

* слуга *(польск.)*.

По его приказу в Слуцке возведены укрепления — начались 2.IV и закончены 10.VIII.1654 г. (с.136). Перед тем — интересные данные о борье за Могилев и Быхов (с. 135).

"Диариуш" витебского воеводы Яна Антония Храповицкого как источник для истории Белоруссии

а) Биографические данные о Храповицком

Белорусская шляхта (а отчасти и магнаты) в течение XVI—XX ст[олетий] оставила немало памятников характера мемуаров и дневников. "Диариуш" (дневник) Храповицкого среди них выделяется как скрупулезностью записей, так и продолжительностью: он велся с 1656 по 1685 г.

Я.А.Храповицкий (1.X.1612 — 3.XI.1685) происходил из старой белорусской шляхетской фамилии, проживавшей в северной Белоруссии, точнее — у самого Витебска[1]. Как его предки, так и ближайшая родня — современники занимали в Витебском воеводстве видные должности[2]. Первый из известных предков Храповицкого был Михаил Данилóвич. Сын Михаила — Федор Михайлович, витебский хорунжий, женился на дочери витебского городничего Елене Дашкович. Эта семья тоже принадлежала к старинной православной белорусской фамилии и находилась в родстве с Сапегами, мощь которых, впрочем, определилась лишь во второй половине XVI в. Жена принесла Федору Михайловичу в приданое имение Храповичи, расположенное км в 20 от Витебска, в связи с чем потомки Федора стали именоваться Храповицкими[3]. Сын Федора, Иван Храповицкий, был витебским хорунжим; вторая жена его происходила из Глебóвичей, одной из самых видных фамилий Великого княжества Литовского. Глебóвичи были кальвинистами, и, возможно, под их воздействием Иван Храповицкий перешел из православия в кальвинизм. Сын Ивана Крыстоф (Христофор), отец

---

[1] Фактическая сторона биографии Храповицкого излагается по "Вступлению" к "Диариушу", написанному польским ученым Тадеушем Василевским, издателем тома первого "Диариуша". См. Jan Antoni Chrapowicki. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656—1664. Opracował i wstępem poprzedził Tadeusz Wasilewski. Warszawa, 1978.

[2] Примерно до начала XVI ст. феодалы, а также служилые люди Белоруссии, как и всего Великого княжества Литовского, назывались боярами. Позже феодалы стали именоваться шляхтой, тогда как название "бояре" перешло к верхушке крестьян, положение которых с течением времени стало лишь несколько отличаться от положения крепостных.

[3] Тадеуш Василевский называет Витебщину северо-восточной частью Польши (с.6). Поскольку эта часть Белоруссии никогда Польше не принадлежала, такое название неправомочно. В скобках указаны страницы "Диариуша" в издании Т.Василевского.

Яна Антония, как и все его дети, первоначально были кальвинистами.

Для Белоруссии XVI ст. переход из православия в кальвинизм у шляхты и магнатов был явлением нередким, и фамилия Храповицких не являлась в этом смысле исключением. Однако в большинстве случаев в более или менее отдаленном будущем кальвинисты оставляли эту веру, но возвращались не в православие, а принимали католицизм. То же произошло и с Храповицкими.

Христофор Храповицкий женился на шляхтянке Елене Войно-Ясенецкой, тоже происходившей из старинной православной фамилии, но, возможно, что и она ко времени выхода замуж стала кальвинисткой (с. 19, 20).

Ян Антоний первоначальное образование получил, видимо, дома, в дальнейшем же обучался в Кракове в коллегии Новодворского (с. 21). В 1635 г. в возрасте 23 лет Храповицкий с целой группой молодежи аристократического или знатного шляхетского происхождения (Глебóвич, Завиша, Зенович, Рудомино) уехали для учебы за границу. Первоначально они подались в Лейден, оттуда — в Бельгию и Англию, затем короткое время пробыли в Париже, обучаясь в Сорбонне, после чего отправились в Италию, где учились в Риме, Болонье и Падуе (с. 23, 24). Будучи в Падуе, Храповицкий в 1637 г. перешел в католицизм; то же сделали независимо от него его братья, оставшиеся на родине (с. 24, 25). Как правило, переход в католицизм сопровождался полонизацией (католицизм в Белоруссии целые столетия назывался "польской верой", и понятие "католик" и "поляк" стало идентичным), т. е. переходом, прежде всего в письменности, на польский язык. (Впрочем, к середине XVII ст. на польский язык в письменности перешли едва ли не все магнаты, а также и верхушка белорусской шляхты, включая и ту, которая сохраняла православие).

Из трех христианских религий (православие, католицизм и кальвинизм) католицизм для шляхты Речи Посполитой стал наиболее выгодной, обеспечивающей всего больше шансов на жизненный успех. Все последующее поведение Храповицкого говорит за то, что смена религии была произведена им в результате трезвого расчета, и вообще это был человек, умевший извлекать выгоду в самых разнообразных условиях. Так, будучи связанным с Биржанской линией Радзивиллов, кальвинистов, и получая от князя Богуслава во временное пользование имение и охранный лист, оберегавший это владение от грабежа шведов, Храповицкий в то же время был в хороших отношениях с политическим противником Радзивиллов Павлом Сапегой и от него тоже получал "в держание" имения. Будучи видным политическим деятелем, он использовал

это для личного обогащения. Так, когда представители Великого княжества Литовского, чтобы сколько-нибудь укрепить королевскую власть, написали "манифест", в котором требовали, чтобы наследник Яна Казимира был избран еще при жизни короля, то Храповицкий согласился подписать этот документ лишь в том случае, если ему будет дано в аренду на три года большое имение Лабно. (Кстати, это имение оставалось в пользовании Храповицкого всю жизнь) (с. 48). Звание витебского воеводы Храповицкий получил как бы в виде компенсации за поддержку Михаила Корибута Вишневецкого при избрании его королем (с. 55). Другие стороны его деятельности показывают скорее не религиозного фанатика, а карьериста: будучи потомком православной шляхты, он отличался в отношении православных нетерпимостью и в то же время создал в Витебске Бернардинский монастырь, выделив для него участок земли и подарив каменный дом (с. 58). Храповицкому приходилось вести судебный процесс с собственными сыновьями (от первой жены), требовавшими наследства, оставшегося от умершей матери (с. 57) и т. д. Правда, на фоне событий, происходивших в XVII в. в Речи Посполитой, поведение Храповицкого не кажется чем-то особенным.

Вскоре после возвращения на родину, в 1638 г., витебская шляхта избрала Яна Антония послом в сейм, и в дальнейшем он был послом едва ли не во всех сеймах своего времени от Витебского (позже от Смоленского) воеводства. Отец Яна Антония оставался кальвинистом и был главой кальвинистов в воеводстве, кроме того, он пользовался поддержкой Радзивиллов, несмотря на все это, послом в сейм прошел его сын-католик, притом, согласно уверению отца, "со всеобщего согласия шляхты" (с. 27). Значит, к тому времени на самом севере Белоруссии преобладание католической части шляхты определилось с полной силой.

С 1643 г. судьба Храповицкого надолго оказалась связанной со Смоленщиной, чему благоприятствовало то, что смоленским воеводой был Глебович, родственник Храповицких. В 1646 г. Ян Антоний стал капитаном Дорогобужа, в то время пограничного с Россией города, а вместе с тем и политическим агентом, собиравшим сведения о положении в России, в частности в Москве. В виде компенсации за эту работу он получил около Дорогобужа и вообще на Смоленщине немалые земельные владения. В 1650 г. Храповицкий становится смоленским хорунжим.

Будучи обязанным наблюдать за положением в России в тот период, когда шла напряженнейшая борьба с восставшими народами Украины и Белоруссии, зная о часто изменявшемся настроении крымского хана, Храповицкий еще в 1652 г. считал, что Россия в

открытую борьбу с Речью Посполитой не вступит (с. 34), в связи с чем не принял никаких мер, чтобы увезти подальше от границы свое имущество, в том числе и библиотеку (с. 40).

Вступление в войну России и быстрое продвижение русских войск привело к тому, что все владения Храповицкого не только на Смоленщине, но и на Минщине, оказались занятыми русскими. Отец и братья Яна Антония находились в Смоленске, где и были взяты в плен. Двое из братьев и отец в плену и умерли, а третий брат — Юрий — перешел на службу к русским и стал родоначальником русской линии Храповицких[4].

б) Диариуш

Храповицкий начал писать свой дневник 1 января 1656 г., когда находился на востоке Подляшья (сейчас Белостокское воеводство Польши), на том клочке, который не был занят ни русскими, ни шведскими войсками. Записывая свои впечатления в течение 29 лет (до 1685 г.), Храповицкий оставил 7 томов дневника. Спустя больше чем сто лет после смерти автора, в 1786 г. его правнук дал скопировать рукопись (с. 63—65). Отдельные фрагменты копии были напечатаны Мечиславом Свенторжецким в "Петербургском еженедельнике" (Tygodnik Petersburski) в 1841 г. (с. 66). Где-то незадолго до 1845 г. собиратель древностей Иосиф Русецкий приобрел всю скопированную рукопись, а также (по крайней мере) имел доступ ко второму и третьему тому оригинала (с. 67).

В 1845 г. Русецкий издал отдельной книгой по копии дневник за 1668—1672 гг., написав краткое к нему введение и добавив что-то вроде пространного оглавления[5]. Почему Русецкий выбрал для издания названные годы, почему, начав с 1668 г., не довел до конца, т. е. до 1685 г., остается неясным. Русецкий печатал дневник, точно придерживаясь рукописи, не делая никаких примечаний, не дополняя сокращенно написанных слов, лишь отмечая курсивом встречающиеся в тексте латинские слова и выражения.

Эта публикация в том же году была подвергнута резкой критике[6]. Автор рецензии отметил сугубо личный характер дневника, что, надо сказать, не совсем справедливо, тем более в отношении 1668 г., так как в этом месте внимание Храповицкого было сосре-

---

[4] Один из потомков Юрия Александр Васильевич Храповицкий (1749—1801) в 1783—1793 гг. был статс-секретарем Екатерины II и оставил Дневник (Памятные записки) за 1782—1793 гг. СПб., 1901.

[5] Dyaryusz wojewody witebskiego Jana Antoniego Chrapowickiego jako przyczynek do dziejów czasów Jana Kazimierza, Michała Wiszniowieckiego, Jana Sobieskiego, królów polskich, wyd. przez J.Rusieckiego. Warszawa, 1845.

[6] Kazimierz Władysław Wojcicki. Biblioteka Warszawska. 1845. T.1. S. 468.

доточено на деятельности сейма. Вследствие ли рецензии, или по какой другой причине, но Русецкий больше не напечатал из дневника ничего. Нужно сказать, что впоследствии эта публикация заслужила гораздо более высокой оценки (с. 70, 71). Не зная рукописи, мы в дальнейшем будем говорить лишь о тех частях дневника, которые опубликованы.

Часть первая дневника (1656—1664 гг.) была издана Тадеушем Василевским в 1978 г. (см. выше). Эта публикация сделана на очень высоком археографическом уровне. Тщательно изучив литературу и архивные источники, касающиеся рода Храповицких, Василевский написал не только подробную биографию самого автора дневника, но и всей фамилии, приложив при этом генеалогические таблицы как рода Храповицких, так и Войно-Ясенецких (родственников по жене) (с. 551—557). В конце публикации помещен словарь, названный "Словарь старопольских и латинских слов, чаще употребляемых". Действительно, в этом словаре большинство слов старопольских, латинских или таких, которые звучат по-современному, но ранее имели иной смысл. Так, выражение "хлеб" означало кроме прямого смысла еще и оплату солдатам за питание во время постоя и т. д. Вместе с тем, в словарь попали слова, не имеющие ни к польскому, ни к латинскому языку отношения. К таким, например, относятся "чернец" (монах), "дьяк" (в смысле секретарь), "грамота", "город" и ряд других (с. 558—560). Чрезвычайно подробно и со знанием дела составлены указатели, в частности именной, в котором указаны не только имена и фамилии, но также приведены данные о служебном положении или звании, причем если сведения недостаточно проверены, то это оговорено.

Также подробен и указатель географический, но здесь названия населенных пунктов даны "глухие", т. е. без указания повета или воеводства. Естественно, что географические названия за пределами Польши даны в польском произношении, а так как они в основном касаются Белоруссии, то нередко названия в указателе расходятся с тем, как это пишется по-русски. Например, "Пясэчна" или "Пясэчно" по-русски значит "Песочное", вместо "Дятлово" написано "Зденцел" и т. д.

"Диариуш" написан на хорошем польском языке с очень небольшой примесью латинского. Публикуя дневник, Т.Василевский везде дает перевод с латинского на польский. В издании отмечены все поправки, внесенные в текст автором, а также добавлены (в квадратных скобках) имена и фамилии тех лиц, говоря о которых Храповицкий указал лишь чин или звание.

Ввиду того что Храповицкий всегда указывал место, где он делал записи, то Василевский смог вычертить карту местностей, где в

эти годы бывал Ян Антоний. Впрочем, карты сделаны лишь для западной Белоруссии и северо-восточной Польши, тогда как по центральной и восточной Белоруссии, а также Брянщине и Северщине, где в 1664 г. был Храповицкий, подобных карт нет.

Сверх того, в книге находится несколько фото с изображением рукописи, портретов лиц, часто упоминаемых в дневнике (Ю.Глебóвич, И.А.Хованский), герб Храповицких и некоторые другие. На стр. 544–550 помещены три письма, писанные Храповицким князю Богуславу Радзивиллу.

За все те 9 лет, которые отражены в двух изданных к настоящему времени томах, Храповицкий едва ли прожил и один месяц на одном и том же месте, но в первые месяцы 1656 г. он находится или в Подляшье, или в западной Белоруссии, тогда как с 1661 г. он передвигается по центральной Белоруссии, часто возвращаясь на запад. Начиная же с 1664 г. он проделывает длительный путь из восточной Белоруссии на Брянщину, оттуда — на Северщину, а затем опять возвращается в восточную Белоруссию (Кричев, Могилев), а потом — в Минск.

Какие данные, касающиеся Белоруссии, содержатся в этом дневнике?

Дневник представляет собой часть, и притом меньшую, из того, что написал этот деятель. По подсчетам Т.Василевского, Ян Антоний в 1658 г. отослал 101 письмо и получил 105 (с. 7). Дневниковые же записи за этот год очень краткие: они вместились в страницы 147—182 книги, что составляет около двух печатных листов. В то же время три письма, приложенные в конце книги, занимают 6 страниц. Поэтому, даже если считать, что письма укладывались в одну страницу, то и тогда объем писем, посланных в том же 1658 году, должен был составить 7 печатных листов. Правда, судя по дневнику, в 1668—1672 гг. Храповицкий стал писать гораздо меньше писем, чем ранее, но и при этом они занимали гораздо больше места, чем сам дневник. Из той массы писем (всего вероятнее, их было больше тысячи), которую в свое время написал Храповицкий, к настоящему времени известны лишь несколько, но надо полагать, что именно в них Ян Антоний всего полнее выразил свои мысли, наблюдения, требования, пожелания и т. д.

По мнению Т.Василевского, Храповицкий делал записи каждый день сразу, если же за какой-либо день (дни) получался пропуск, то он заполнялся спустя самое краткое время — когда все было в памяти свежо.

В первые годы дневниковые записи большей частью чрезвычайно кратки (впрочем, подобные нередки и в конце 60-х гг.). В ряде случаев они состоят из одной строки или даже из одного слова.

Так, например, 14 сентября 1656 г. записано: "В Бресте. Дождь". 21 того же месяца еще короче: "Погода" (с. 100). Были, правда, и в то время более существенные, но их очень немного, да и они не очень пространные. Например, 6 октября 1656 г. Храповицкий записал: "... староста"* приехал в Каменец (Брестская обл.) и сообщил, что в Бресте началась эпидемия и что в Польше эпидемия уже значительная (с. 101).

В ранних записях (1656 — начало 1657 г.) в обязательном порядке даны записи о погоде и о том, кому послал и от кого получил письма; отсутствие подобных записей — очень редкое исключение. Эти элементы обязательны на протяжении всего дневника.

В 1654—1656 гг. русские войска заняли почти всю Белоруссию и часть Подляшья. Понятно, что при таком положении Храповицкий почти ничего не мог сообщить о положении в Белоруссии. Но с течением времени, после заключения мира между Речью Посполитой и Швецией, когда русские стали терпеть поражения и отступать на восток, Храповицкий тоже (хотя бы только наездами) передвигался к востоку, а вместе с тем возрастало его значение как политического деятеля, поскольку он принимал видное участие в переговорах с русским правительством.

Естественно, что во время войны его всего больше интересовал ход военных действий как в Белоруссии, так и на Украине. По состоянию связи того времени, сообщения о военных действиях приходили с большим опозданием. В некоторых случаях это были правдоподобные сообщения от лиц, близких к правительственным кругам, в других же — Храповицкому передавали просто слухи. Поэтому сведения его нередко могли оказаться фантастическими, однако в большинстве случаев они были близки к реальным.

Вообще, Храповицкий в своем дневнике выступает в первую очередь как политический деятель Речи Посполитой, касаясь других вопросов редко. Из противников Речи Посполитой Храповицкий упоминает шведов Ракочи, но всего чаще русских, притом о русских военных силах под командованием И.Хованского. Особенно часты подобные записи в начале 1660 г.: в январе за 2, 7, 8 и 14, в феврале за 24, в марте за 6 и 14 и т.д. 2 января сообщается, что Хованский находился в Заблудове, 7 и 8 января — "москва" сожгла Милейчицы и Янов (Брестская обл.), 14 января — русские штурмом взяли Брестский замок (с. 218—220). В апреле Хованский неудачно штурмовал замок в Ляховичах (с. 235). 28 июля — Хованский разбит под Полонкой (Гродненская обл.) (с. 250). В дальнейшем сообщается об отходе Хованского на восток, к Минску, "в глубь Руси"

* Слова не чытаецца.

(с. 252). 13 мая 1661 г. — сообщение, что русские сдали Гродно, где оказалось всего 30 человек, да и то больных (с. 285).

Ряд записей сообщает о борьбе магнатских группировок, в частности о борьбе за Тыкотин (в Подляшье), где умер сторонник союза со шведами великий гетман Великого княжества Литовского Януш Радзивилл. Вскоре после его смерти город был захвачен сторонниками Павла Сапеги, но 13 июля 1656 г. к Тыкотину подошел отряд шведов и части Богуслава Радзивилла. Они разгромили засевший в замке отряд полковника Оскерко, убив при этом много "наших" (с. 95). Однако в дальнейшем, на рассвете 27 января 1657 г., Тыкотин после месячной осады был взят штурмом силами Сапеги (с. 112).

В дневнике есть немало известий о положении на Украине. 16 октября 1658 г. подписан "мир в Гадяче" с казаками (с. 172). (Имеется в виду мир, подписанный с Иваном Выговским.) Значит, сообщение об этом дошло до Храповицкого через месяц. 29 мая 1659 г. отмечен приезд от Выговского делегации (приехали Константин Выговский и Юрий Немирич) (с. 193). 2 февраля 1661 г. записано, что начались на Украине "бунты за Днепром" во главе с Гоголем, но войско оказалось против этого (с. 279). 24 июня 1661 г. на сейм прибыли послы от Юрия Хмельницкого (с. 269). 18 февраля 1663 г. из Львова получено известие, что П.Тетеря стал запорожским гетманом (с. 386). 27 февраля 1664 г. Храповицкий записал, что Богун "взят под стражу" (с. 462). Несколько ранее отмечено, что "пахолики" из войска Речи Посполитой где-то в районе Трубчевска "набрали массу хлопов" (с 449). 25 февраля того же года Храповицкий записал, что татары гнали много пленных. Некоторые из пленных убегали, "но их нужно было выдавать обратно" (с. 460).

В 1664 г. становятся частыми записи о встречах русских послов с уполномоченными Речи Посполитой, о начале переговоров об условиях мира. Дело это продвигалось очень медленно. 10 февраля сообщается, что русские уполномоченные еще остаются в "столице" (Москве) (с. 454). 25 марта комиссары Речи Посполитой находятся в Могилеве (с. 472). 29 мая от русских уполномоченных из Смоленска был получен запрос, съехались ли все уполномоченные Речи Посполитой (с. 486). 25 июня произошла четвертая встреча с русскими, причем с царской титулатурой получилось такое затруднение, что уполномоченные при встрече сидели молча (с. 495). При встрече 3 июля русские послы сказали, что царь начал войну за бесчестье в титулах (с. 497). 15 июля русские заявили, что Россия готова уступить Витебск без всяких условий, но за уступку Полоцка и Динабурга нужна денежная компенсация, тогда как уполно-

ИЗ КНИГ
ИЛЬКЕВИЧА
№

моченные Речи Посполитой требовали, чтобы русские возвратили все занятые территории бесплатно и уплатили бы 10 миллионов (злотых?) за убытки (с. 501) и т. д.

По сравнению с военными новостями сообщения, касавшиеся внутренней обстановки в Белоруссии, бедны, но они хорошо показывают бедственное положение края. 17 декабря 1661 г. Храповицкий переправился через Неман у Еремич (Новогрудское воеводство) и записал, что край "полностью опустошен. Везде голод" (с. 320). 17 и 18 января 1662 г. у Смилович (км 60 южнее Минска) "все опустошено" (с. 326). Отправившись из местечка Березино (недалеко от Смилович) на Белыничи, должны были проехать 10 миль без остановки, так как в этой местности не осталось ни одной хаты (с. 326). У Толочина (восточная Белоруссия) в местности, по которой прошли войска "русского воеводы" (Стефана Чарнецкого), произведены такие опустошения, что Храповицкий ночевал в пустой хате, а лошадям досталось лишь гнилой соломы с крыши (с. 330). Вообще, если Храповицкий указывал, кто из деятелей Речи Посполитой был виновником разорения края, то почти всегда это оказывался "русский воевода", хотя и у всех остальных военачальников было не лучше.

В районе Вилейки стояли полки "русского воеводы", которые "сильно угнетали народ" (с. 330). Не обошел этот полководец и владений самого Храповицкого, где поступил не лучше, чем в других местах. 9 февраля 1662 г. отмечено, что Чарнецкий со своими частями ночевал в имении Храповицкого Лумжине и что это произошло "не без значительного ущерба в гумне" (очевидно, было взято немало зерна и фуража, и притом бесплатно) (с. 331). Владения Храповицкого грабили несмотря на то, что тот запасся защитным универсалом (видимо, от самого великого гетмана). 16 ноября 1661 г. из Лабненского "ключа" (группа имений, объединенных общим управлением) забрали (продуктов и фуража?) на 70 злотых (с. 370). Несколько ранее пан Эрнест Корф, став с пехотной хоругвью в Лабне, возбудил сильное недовольство, так как "хлопам чинили немалые кривды" (с.342).

Как видим, Храповицкий записывал в дневник "кривды" всего охотнее в тех случаях, когда это касалось его владений, редко упоминая, что то же происходило повсеместно, причем грабили не только войска, но и кто-то из местных жителей. Так, 15 июля записано, что пять человек из челяди пана Виндарского грабили по деревням, а их пан в войске не служил (с. 354).

Без конца следуют записи об уничтоженных селениях: 29 июля 1660 г. сообщается о сожжении имения Андрианки, находившегося в пользовании Храповицкого (с. 254). 1 августа того же года — о

сожжении местечка Ботьки (с. 254). 22 августа — о сожжении Столович (с. 256) и т.д.

Когда в 1664 г. Храповицкий переехал из восточной Белоруссии в Брянщину, то в пограничных районах России положение оказалось почти таким, как и в Белоруссии. Так, в деревне Гроховке не смогли достать даже соломы для лошадей (с. 445). В других местах, правда, было получше: в деревне Лукове (Комарицкая волость) всего было достаточно, крестьянские постройки очень хороши, но население все разбежалось (с. 450). Когда Храповицкий повернул обратно и приехал в Белоруссию, то картина оказалась знакомой: в Кричеве удалось достать немного хлеба, хотя и по дорогой цене, но для лошадей — ничего (с. 470).

Совсем бедно представлены материалы о хозяйстве. Подобные сообщения появились лишь тогда, когда автор дневника попал в свои владения, расположенные на Минщине: Так, Храповицкий сообщает, что в 1662 г. жать рожь и ячмень начали 31 июля (с. 356). Сеять в Лабне начали в том же году 1 сентября, но дожди начались настолько сильные, что продолжать смогли только 28 сентября (с. 363, 364). Первый раз пустили лошадей на траву 9 мая (с. 401).

Прочие сведения, касающиеся Белоруссии, бедны, но тем не менее и они представляют значительный интерес, поскольку часто совершенно уникальны. К ним прежде всего относятся записи о погоде. Уже отмечалось, что подобные записи имеются за десятки лет и притом почти ежедневно. Конечно, эти записи имеют слишком общий характер, понятно, что точных данных о температуре и о количестве выпавших осадков у него не могло быть, кроме того, часть записей сделана в Польше, куда Храповицкий часто уезжал, и тем не менее это, видимо, единственный источник хотя бы и примитивных сведений о погоде за целых 29 лет.

Из истории медицины в Белоруссии можно отметить, что для лечения жены Храповицкого (когда он находился в Польше) из Бельска приезжал цирюльник (с. 206), а сам автор дневника, болевший лихорадкой, 5 июля 1660 г. лечился "секретным порошком из Индии", полученным от иезуитов (с. 249). В примечании к этому месту издатель отметил, что это был хинин. Около селения Великая Берестовица (Брестское воеводство) Храповицкому показали камень с дырой (известняковый). Хлоп, показавший этот памятник, сообщил, что если взбесившийся три раза пролезет через дыру и затем три раза обойдет вокруг, то выздоровеет, и что подобных исцелений было уже много. Кроме того, отмечено, что на этом камне росли какие-то цветы, которые досконально излечивали от лихорадки (с. 422).

В 1664 г. Храповицкий сделал запись, возможно, одну из первых, касающихся археологии. На крайнем востоке Белоруссии, у селений Радичин и Лабово, он увидел длинный, но не особенно высокий курган. Ему сообщили (очевидно, окрестные крестьяне), что это могила богатыря Волота[7] (с.446).

7 февраля 1661 г. курьер, ехавший к Храповицкому, увидел незадолго перед рассветом звезду, наверху которой находилась метла. То же видел и сам Храповицкий (с. 280).

Для характеристики обстановки того времени в Белоруссии можно отметить, что Храповицкий как католик пользовался новым стилем в календаре, но в то же время он часто упоминает и "русский", в частности, когда сообщает о праздниках. Так, "русская пасха" в 1663 г. была 29 апреля (с.399). "Русского Бориса" в 1662 г. было 3 августа (с. 357). В июле 1662 г. отмечен "Илья" (с. 356). 16 декабря "по русскому календарю" в Бельске была ярмарка (с. 272).

Интересно отметить, что Храповицкий, сам уроженец Руси, понимал под выражениями "Русь" или "Белая Русь". 1 июля 1663 г. в дневнике записано, что приехал казак из Руси, из Репихова (с. 410). Репихово находится в Оршанском районе Витебской области[8]. 19 августа того же года войска из-под Кременца двинулись "на Русь" и должны были стать между Могилевом и Шкловом (с. 418). Значит, (в представлении Храповицкого) Кременец — это не "Русь", а что-то другое, точнее, это Украина. Очевидно, Храповицкий под "Русью" понимал восточную часть Белоруссии, расположенную к востоку от Березины, ту местность, которую раньше называли русскими волостями. Ту же "Русь" Храповицкий называет также Белой Русью. Так, в записи 3 апреля 1663 г. сказано, что Велинг (слуга Храповицкого) поехал на Белую Русь, чтобы сообщить хозяину о состоянии его имущества (с. 394). В феврале 1669 г. Храповицкий еще раз выбрался "на Белую Русь", причем ехал через Беларучь — Логойск — Борисов — Репихово (Дневник 1845 г., с.93). В данном случае неясно — относились ли Беларучь и Логойск, расположенные с запада от Березины, к Белой Руси или же они упоминаются как селения, расположенные по пути туда.

Изредка в дневнике встречаются материалы, характеризующие метрологию Белоруссии того времени, в частности, показывающие, что одна и та же мера в разных местах была неодинакового размера. Так, 3 апреля 1662 г. слуга привез от пана Бобровницкого Храповицкому овса батьковской меры 11 бочек (бочка официально с

---

[7] В белорусском языке "волот" означает "богатырь", "великан".

[8] Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 321.

середины XVIII ст. — 407 литров), а после измерения на месте оказалось, что было бочек 12 и 4 корца (с. 340).

Как ни бедны материалы, относящиеся к Белоруссии, за 1656—1664 гг., они кажутся богатыми по сравнению с 1668—1672 гг. За эти годы дневник содержит данные почти исключительно о сеймах и о положении на Украине, в частности о борьбе там различных группировок и о турецкой опасности.

Поскольку в 1669 г. Храповицкий был назначен витебским воеводой, то можно было ожидать, что он уделит какое-то внимание не только этому событию, но также и Витебску. Однако в течение 1669 и 1670 гг. об этом нет ни слова. Зато въезд в Витебск в качестве воеводы описан Храповицким в деталях. Это происходило с большой помпой. Храповицкий, который приехал к городу (5 февраля 1671 г.) на санях после церемоний (не сказано, что под этим следует понимать), въехал в город на коне, предшествуемый собственной надворной хоругвью и частью "обывателей" (видимо, знатнейшими представителями города). За воеводой вели его коней, потом шла молодежь и разного рода люди, в конце отряд конницы и цехи, а с обеих сторон улицы толпился простой народ. Воевода проехал к фарному костелу, откуда проследовал в православную церковь, где священник обратился к нему на латинском языке с приветствием. После этого Храповицкий поехал в свой "палац", где щедро угостил многочисленных гостей, при этом было много пальбы из орудий. Пиры продолжались несколько дней и после этого. 10 февраля гостей набралось столько, что хозяин не помнил чего-либо подобного ранее. 11 февраля на обеде было "все воеводство", и лишь 13 воевода удосужился наведать ратушу, где "делал порядок", а 14 объезжал замок и воеводский двор (с. 236).

Очевидно, в связи с назначением на воеводство кто-то из приближенных Храповицкого написал как бы пьесу, главным действующим лицом которой был воевода. Во всяком случае 16 июня Храповицкий был на "диалоге", где было "прекрасно показано с декорациями", как он в Падуе у гроба святого Антония переходил из кальвинизма в католичество (с. 233).

Сверх этого в дневнике отмечено еще несколько примечательных обстоятельств. Так, 9 ноября 1671 г. Храповицкий получил письмо, в котором сообщалось, что украинские казаки имеют намерение, "перейдя Сож, опустошить белорусские края" (с. 265). 10 марта 1672 г. пришло известие, что смоленская шляхта, услышав о приходе казаков к Могилеву, собирается бежать в Смоленск под защиту крепости (с. 278). 10 июня — запись о большом пожаре в Гродно. Пожар начался от Немецкого рынка, сгорело 60

домов (с. 289), а 23 августа Храповицкий записал, что новогрудская шляхта не желает идти против турок (с. 304).

Мы, следовательно, использовали только часть дневника, ту, которая напечатана. Не изданы дневники за 1665—1667 и 1673—1885 гг. Понятно, угадать, что в них есть, невозможно, однако записи за эти годы едва ли богаче, чем за те, за которые опубликованы. Значит, можно сказать, что дневник Храповицкого помогает уяснить некоторые детали жизни, о которых в других источниках нет ничего, но не более. Вместе с тем стоит отметить, что дневник обрисовывает фигуру самого автора, что для нас очень небезразлично. В течение XVI—XVIII ст[олетий] в Белоруссии было шесть воеводств, и что собой представляли возглавлявшие их лица, представляет большой интерес.

25.XI.1981.

Обуховичи.

В 1859 г. известный историк Михаил Балинский издал в Вильно книгу, содержащую дневник последнего смоленского воеводы Филиппа Казимира Обуховича (с. 1—46), его сына Федора Иеронима (с. 53—64), другого сына — Михаила (с. 65—104) и, наконец, "памятник" Яна Цедровского (с. 141—152). На страницах 47—52 приложены речи Филиппа Обуховича, сказанные им в разное время и по разным поводам. Название этой книги чуть ли не постаринному длинное[9]. Во вступительной статье (с. I—XIX) Балинский отметил, что в его время, т. е. в середине XIX ст., открывается очень много так называемых семейных дневников (диариушей), и притом не только в библиотеках (говоря так, автор имел в виду вообще хранилища. — *Н.У.),* а и в семейных архивах, добавив к этому, что "в давней Польше" едва ли не в каждой шляхетской семье был обычай делать разного рода памятные записи (с. 1).

Балинский нашел публикуемые им дневники "три года назад" (т. е. в 1856 г. — *Н.У.)* в принадлежавшем Обуховичам имении Липа, находившемся в Новогрудском уезде (Минской губ. — *Н.У.).* Пожар в помещении, где находилась рукопись, уничтожил едва ли не все, что там было. К счастью, владелец рукописи Александр Обухович разрешил своему соседу Адольфу Кобылинскому прочитать и снять копию с "диариуша", то же разрешено было сделать и историку Николаю Малиновскому. Дневник печатается по копии, снятой А.Кобылинским (с. II, III).

---

[9] Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku. Posługujące w dziennikach domowych Obuchowiczów i Cedrowskiego pozostałe, wydał z rękopismu, wstępem i przypisami objasnił Michał Balinski. Wilno, 1859.

В предисловии Балинский (в очень краткой форме) изложил биографии всех троих Обуховичей, чьи произведения он печатал.

Филипп Казимир окончил академию Замойских[10], откуда вынес хорошее знание древних языков. В жизни он числился хорошим, если не выдающимся оратором, несколько раз был избран послом в сейм, а в 1648 г. его избрали маршалком (предводителем. — *Н.У.)* "рыцарского круга" на сейме (с. III, IV). В знак уважения к его заслугам король в 1653 г. назначил Обуховича смоленским воеводой (с. IV). Вскоре после этого началась война с Россией, и Смоленск после небольшого сопротивления был сдан русским. Балинский старается оправдать Обуховича, руководившего обороной Смоленска, указывая на разные причины скорой сдачи: полуразрушившиеся стены кремля, недостаток боеприпасов и продуктов, немногочисленность гарнизона, но вместе с тем отмечает, что Обухович был лучшим оратором, чем воином (с. VI). Сдавая Смоленск, Обухович выговорил себе право уехать свободно домой, что и сделал, но "дома" его ждало острое недовольство шляхты, и один из шляхтичей из того же Новогрудского воеводства, что и Обухович, Комуняка написал ядовитое письмо на белорусском языке (у Балинского — на пинском диалекте. — *Н.У.)* (с. VII), высмеивая неудачного воеводу. В частности, Комуняка написал фразу, ставшую известной в шляхетском кругу во всей Речи Посполитой: "Лучше было бы, пане Филипе, сидеть тебе в Липе", т. е. в своем имении (с. VII). Умер Ф.Обухович 6 сентября 1656 г. (с. X).

Следующий дневник писан Федором Иеронимом Обуховичем; он начат в 1656 и закончен в 1700 г. (с. XIII).

Третий дневник писан Михаилом Обуховичем, братом Федора, в 1660—1662 гг., тогда, когда автор находился в плену в Москве; в плен Федор Обухович попал к Петру Хованскому под Малечью (недалеко от Бреста. — *Н.У.)* (с. XIV).

Дневник Цедровского был известен в разных списках по шляхетским домам Новогрудского воеводства. В 1855 г. он был напечатан в переводе на русский язык (ЧОИДР*, т. 23).

Дневники всех Обуховичей посвящены главным образом общеполитической обстановке в Речи Посполитой, а так как главным политическим событием в годы, когда писались дневники, было крестьянско-казацкое восстание на Украине и в Белоруссии, а затем война с Россией, то основная масса известий и относится к этим сюжетам.

---

[10] Академия Замойских [основана в 1595 г. Яном Замойским в г.Замостье (Польша)].

* Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. У 1855 г. выданне называлася "Временник императорского Московского общества истории и древностей российских".

Всего больше данных относительно положения в Белоруссии из дневников Обуховичей имеется у самого воеводы, хотя их там тоже немного. Так, Обухович сообщает, что 1643 год останется в памяти тем, что были "неслыханные морозы", снег в том году держался до половины мая, в результате чего "убогие люди" пришли в крайний упадок, тем более что в 1642 г. был сильный неурожай (с. 11). В записях за 1648, 1649, 1652, 1953 гг. содержится ряд сообщений о ходе восстания крестьян и мещан в Белоруссии и о борьбе шляхты с отрядами украинских казаков.

За 1648 г., например, отмечено, что "у нас в Литве" разгорелся огонь возмущения со стороны "гультайства" (бездельников. — *Н.У.)*. Отряды Хмельницкого появились в поветах Стародубском, Речицком_Мозырском, Пинском и "немало замков на Белой Руси было уничтожено" (с. 19, 20).

В сборнике вслед за дневником Филиппа Обуховича помещен "диариуш" Федора Иеронима, а затем Михаила, но так как Михаил излагает события, происходившие в 1660—1665 гг., а Федор — начиная с 1673 г., то естественнее будет раньше сказать о дневнике Михаила. Вообще, "диариуш" делится на две части, первая из которых писана в 1660—1662 гг., во время нахождения автора в плену в Москве, вторая же озаглавлена "Дневник экспедиции против русских (буквально — "против "Москвы") в 1664 г.", хотя реально этот дневник закончен в 1665 г.

Начинается этот памятник сообщением, датированным 23 января 1660 г., что автор вышел из Ковеля во главе отряда войск, состоявших из 8 хоругвей казацких и 5 драгунских. Под Малечью (Брестская обл. — *Н.У.)* его отряд был разбит русским войском под командой Петра Хованского, причем Обухович, тяжело раненный, был взят в плен (с. 65). Дневник сообщает, что Иван Хованский (отец Петра, командовавший всеми русскими силами, находившимися в Белоруссии и Литве) в то время взял Гродно, затем напал на Заблудов, в котором находилась масса беглецов (очевидно, из Белоруссии. — *Н.У.*), и взял их в плен. После Заблудова Хованский двинулся на Брест и взял его, а оттуда двинулся на север. Обухович сообщает, что Хованский всю местность от Бреста до Новогрудка выжег, шляхта при этом присягала русским (с. 68). Пленный Обухович был доставлен в Москву от Малечи через Мядель — Глубокое — Полоцк — Витебск — Смоленск — Вязьму — Можайск (с. 68). Каждого пленного конвоировало два стрельца.

Далее дневник содержит данные почти исключительно о пребывании в Москве, и, таким образом, этот источник гораздо более важен для истории России. Автор подробно сообщает, как с ними обращались официальные русские лица, какие выдавались

"кормовые". Очень подробно описана встреча послов прибывшего посольства от императора Священной Римской империи; посмотреть на это зрелище в числе прочих был приглашен и Обухович (с. 74—78). Затем так же пространно изложены переговоры между пленными и русским правительством относительно обмена их на находившихся в плену русских (с. 77—87). Затем следует описание праздника Крещения и приезда шведского посольства (по сравнению с приемом посольства императора, этот прием был скромным) (с. 87—93). Вскоре Обухович и ряд других пленных были освобождены. Поездке от Москвы до границы посвящены последние страницы дневника (с. 96—104).

Другой дневник того же Михаила Обуховича представляет собой отдельное произведение, начатое в январе 1664 и оконченное 3 июля 1665 г. Оно озаглавлено как "Дневник похода против Москвы в 1664 г." Выражение "Москвы" означает не собственно город Москву, а русских вообще. В начале дневника дается общая характеристика обстановки в войске Речи Посполитой, находившегося в то время почти целиком на Севершине, но первые записи говорят, что армия находилась в районе Рославля. Обухович в этом походе был командиром хоругви (с. 108). Интересна его запись, сделанная 16 января 1664 г. в районе деревни Жабово. Там он видел очень длинную могилу, о которой "москвич" (видимо, местный житель) сообщал, что в ней похоронен богатырь, называемый Волот, и что он был такой величины, что заполнил всю могилу (с. 110).

После разных демаршей и стычек с русскими войсками и казаками армия двинулась на запад, к Белоруссии. На "Руси" в районе Кричева — Могилева "было пусто", так как Хованский "всю Русь выжег и истребил". Король приехал в Могилев, но в это время город от неизвестной причины сгорел (с. 126, 127). В это же время пришло известие, что Хованский под Витебском разбит и что русские ушли из-под Шклова и стали у Дубровны. Отряд Обуховича пошел к Чаусам, где неприятеля не оказалось. По слухам, около Горок стоял с отрядом Долгорукий (с. 128, 129).

Заканчивается дневник сообщением о болезни и затем о смерти Чарнецкого, великого гетмана коронного, причем Обухович отзывается о нем как о крупном деятеле и выдающемся полководце (с. 135).

Дневник Федора Иеронима начинается с автобиографических записей. Молодой Обухович несколько лет провел во Франции при дворе бывшего короля Яна Казимира, отрекшегося от престола. Домой он вернулся в 1670 г., а в 1673 г. участвовал в походе против турок к Хотиму. Обухович пошел в этот поход по своему желанию

и за свой счет. Прибыв в Рожанку, находящуюся к югу от Бреста, Обухович стал ротмистром Пятигорской хоругви, сформированной в Новогрудском воеводстве (с. 56, 57). После разгрома турок армия Великого княжества Литовского не захотела больше служить, но Обухович, по просьбе великого и польного гетманов, со своей хоругвью пошел к Великому княжеству (с. 57). В 1675 г. отправился в Италию, был в Риме, Болонье, Венеции, в 1679 г. его избирают послом в сейм от Мозырского повета (с. 58).

В дальнейшем дневник содержит сведения о смерти короля Михаила Вишневецкого, об избрании, а затем о смерти Яна Собесского и об избрании Августа Саксонского. Все это — в самых общих выражениях. В том же духе написано и о борьбе между Сапегами и шляхтой. Последние записи относятся к началу XVIII ст., когда шла Северная война и когда шведские войска вступили в пределы Новогрудского воеводства, в связи с чем и автору дневника "досталось от них". Но даже и это сказано Обуховичем в общей форме.

Из всех помещенных в сборнике дневников всего больше материалов по истории Белоруссии содержит "памятник" Яна Цедровского, хотя он очень невелик по размеру.

"Памятник" в начале содержит разного рода автобиографические данные. Ян Цедровский родился 3 марта 1617 г. в селении Погост, в трех милях от г. Слуцка, в семье шляхтича среднего достатка, однако автор не отметил, что его семья (да и он сам) принадлежали к кальвинистам. В возрасте 14 лет (в 1631 г.) отец отправил Яна и его брата Стефана в Кёнигсберг для изучения немецкого языка и обучения в "Королевской академии" (надо понимать, в Кёнигсбергском университете. — *Н.У.*).

В 1637 г. (очевидно, после окончания университета) отец отдал Яна на службу Богуславу Радзивиллу, в то время [великому] хорунжему Великого княжества Литовского. Со своим патроном Ян поехал за границу: в Гданьск — Щетин – Любек – Гамбург — Копенгаген — Амстердам, затем побывали еще в ряде голландских городов, а потом морем направились в Кале, откуда — в Париж (тут автор делает выпад против Людовика VIV, который, вступив в союз с "Турком", губит "нашу отчизну"). Прожив 7 месяцев в Париже, отправились в Италию, затем обратно в Париж, из которого уехали в Англию; в Лондоне князь Богуслав встречался с английским королем. Возвратившись из Англии в Голландию, Цедровский морем отплыл в Гданьск и затем в Кёнигсберг, после чего отправился домой (с. 141 — 143). В 1641 г. управляющий имениями князя Богуслава поручил Цедровскому отвезти князю, находившемуся в Голландии, деньги. Цедровский морем поехал из

Гданьска, но страшная буря в Северном море заставила корабль повернуть обратно к Зунду, где его встретила флотилия пиратов. Уходя от них, корабль выбросился на берег, и уцелевшие пассажиры и команда отправились далее пешком. Из этого похода Цедровский вернулся на родину в 1642 г. В вознаграждение за труды князь Богуслав дал Цедровскому в держание имение в Подляшье (с. 143, 144).

Собственно личные записи заканчиваются на этом (сообщения о женитьбе, о смерти дочери и прочее имеют слишком семейный характер).

Записи (и притом представляющие большой интерес) начинаются с 1655 г. После занятия Вильно русскими войсками Цедровский ушел в Жемайтию, где, очевидно, жил спокойно, так как пользовался покровительством шведского короля. В апреле 1656 г. он уехал "домой" (надо полагать, в Погост. — *Н.У.*). Приехав в свое имение, начал сразу пахать под яровое; было это 28 мая (по какому стилю, автор не отмечал, но обычно все авторы того времени пользовались новым календарем, если же "русским", то об этом делалось примечание). Цедровский записал, что тогда он посеял только 9 кварт гороха, которые купил в Минске, намолотил же более чем полторы бочки[11].

В 1656 г. в Минском воеводстве появилось невероятное количество мышей, которые портили зерно и вообще продукты как в поле, так и в хранилищах, результатом чего был страшный голод. Голод держался до урожая 1657 г., последствием было то, что люди ели всякую падаль, было и людоедство, что автор видел своими глазами.

В 1656 г. Минское воеводство (следует понимать, шляхта воеводства) обратилось к царю с просьбой, во-первых, чтобы минский воевода Арсеньев не судил "за печатями", т. е. чтобы не присылал полицейского (или вообще уполномоченного) с листом бумаги, на котором была оттиснута печать, что означало ордер на арест. Во-вторых, чтобы воевода не требовал шляхту на работу для ремонта Минского замка. Шляхта уполномочила Цедровского отвезти эти просьбы царю, находившемуся в то время в Друе (городок на Двине). Царь разрешил шляхте судиться по прежним законам (видимо, по Статуту 1588 г. — *Н.У.*), освободив от суда воеводы и от работы по ремонту замка (с. 147).

Весьма содержательны сообщения Цедровского о движении в Минском воеводстве крестьян. Он жалуется, что шляхте пришлось

---

[11] Кварта содержала около 0,7 литра, значит всего было посеяно примерно 7 литров гороха, а собрано около 600 литров (в бочке — 407 литров). Урожай был настолько велик, что автор, всего вероятнее, из-за этого и сделал соответствующую запись.

терпеть "безграничные грабежи" от своих мужиков (хлопов), полковником у которых был какой-то Денис Мурашко, центром же движения стало селение Камень. Этот Мурашко и его люди подговаривали (к протесту против своих господ) не только крестьян, но и челядь, а некоторых из них вписывали в свои реестры, т. е. официально зачисляли в ряды повстанцев. Движение утихло лишь тогда, когда повстанцев разгромили в Прусовичах, причем было убито несколько крестьян, принадлежавших самому Цедровскому. Цедровский утверждает, что крестьянское восстание было одной из важнейших причин наступившего голода (с. 147, 148). Очевидно, это в добавление к тем убыткам, которые нанесли мыши.

Далее Цедровский рассказывает, как минская шляхта боролась против русских, и вместе с тем же показывает, насколько нерешительно это делалось. "Осенью 1658 г., — пишет Цедровский, — мы стали всем Минским воеводством под командой нашего полковника пана Юноши Короля Подоского, который, желая оказать услуги Речи Посполитой, хотел хитростью разгромить русский гарнизон, стоявший в Минске. Но русские, укрепившиеся в униатской церкви, были осторожны". Автор в этом месте сильно чего-то не договаривает. Очевидно, шляхта сделала нападение на церковь, но, получив отпор и опасаясь возмездия, "спасая наших жен и детей", разбежалась по домам. Дело на этом не кончилось, так как, собравшись в Камене Харецком, несколько [человек] шляхты и плескосинских* крестьян разгромили русский отряд (более чем в тридцать человек) отборной пехоты (стрельцов?), которые отлучились из отряда Долгорукого для грабежа. Долгорукий же шел на Логойск и вел с собой пленного гетмана Госевского.

После погрома отряда в Камене Цедровский боялся оставаться дома, так как думал, что из отряда русских, находившегося в Борисове, будет совершено нападение на тех, кто истребил стрельцов, и поэтому уехал в Слуцк под защиту сильных укреплений этого города (с. 148).

На последних страницах дневника Цедровский передает события очень непоследовательно. Очевидно, они были писаны много лет спустя после описываемых им событий. Так, после записей за 1667, 1670 и 1672 гг. Цедровский записал, что в 1658 г., после разгрома "гультаев" Мурашко в Прусовичах, воеводство (шляхта. — *Н.У.*) отправило его и Причевского в Борисов к Шереметьеву сказать, что они истребили не царских людей, но разбойников, и чтобы это не повредило отношению царя к ним (минской шляхте). Шереметьева в то время в Борисове уже не было, и депутаты гна-

* плещеницких? (см.: Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. Мн., 1983. С. 129).

лись за ним до Шклова, но не застав и там, передали свое отношение борисовскому воеводе (с. 150).

Под 1672 годом вместе с записями о событиях за этот год содержатся известия и за гораздо более ранний период, в частности за 1660 г., когда шла война, в частности после разгрома Хованского под Полонкой и Ляховичами. В это время он приехал к Чарнецкому в Свержень (на Немане. — *Н.У.*) и провожал его до Березины. Далее следует непонятное сообщение: Цедровский, оставив Чарнецкого у Березины, приехал домой (в Погост?), где оказалось, что "гультаи" Русецкого, имея универсалы Чарнецкого и Сапеги, разгромили его дом, а самого едва не зарубил Святский, сын Христофора Христозома (с. 150).

Самый конец "памятника" подтверждает, что автор вписывал в него то, что припоминал о событиях, происходивших довольно давно. Так, после записей, помеченных 1672 годом (и содержащих, как отмечено, сообщения и за 1658 г.), следуют записи за 1652, 1654, 1655, 1667, 1669, 1675, 1676, 1680 и 1682 гг. В этих записях говорится о смерти сестры автора, затем Григория Мирского, Януша и Богуслава Радзивиллов и еще нескольких человек. За 1682 г. сообщается, что в Вильно, по наущению иезуитов, воевода Пац разрешил снять с евангелического (кальвинского) собора крест, а затем ученики иезуитов разгромили сам собор, сожгли находившиеся там книги, издевались над пасторами, а одного ребенка бросили в костер, в заключение забрали серебро, бывшее в соборе, и колокола. Был разгромлен и шпиталь (дом призрения для неимущих. — *Н.У.*)

Для Цедровского, остававшегося кальвинистом, такие сообщения воспринимались настолько болезненно, что он записал это на последнем листе своего "памятника".

"Памятник" Пасека* считается в литературе о мемуарах и дневниках как бы эталоном: "Вот если бы как у Паска" и пр. По сравнению с другими "паметникарами" Пасек пишет очень живо, часто отмечая обыденные, ежедневные случаи из жизни, даже об обычаях той местности, где он находился (в Дании, убив вола, не дают пропасть и капли крови, но, смешав с крупой, наливают в кишки, варят и едят, и пр.). Дивизия Чарнецкого, в которой служил Пасек, затем пришла в Подляшье, а оттуда — в Белоруссию (около Мстибова), затем бои у Ляхович (с. 134—135). Были у Полонки (с. 137). Поручик панцирной хоругви Войнилоич (с. 137). Битва под Ляховичами (с. 138—146). Личное участие Пасека в бою. Живо, может, немало и хвастовства. Разговор где-то под Ляховичами с бабой.

* Pasek Jan Chrzyzostom. Pamiętniki. Wrocław — Warszawa, 1929.

Баба говорит на непонятном языке: по Пасеку, это русский (с. 147). В Ляховичской крепости собралась масса шляхты, д[олжно] б[ыть], с окружающей местности. Шляхтянки очень красивы и хорошо одеты (с. 150). Движение сил Чарнецкого к Борисову — Могилеву — Кричеву (с. 150—158). Описание битвы где-то в вост[очной] Белоруссии (на р. Басе) (с. 160—168).

1661 г. — "освободили русские, литовские и белорусские края" (с. 199).

1661 г. — собрался в свою команду — на Белую Русь (с. 262).

1662 г. Ехал с отрядом в р-не Нарочь—Жодишки. В лесной деревне услышал крики женщины. Оказалось, волонтеры Мурашко грабят двор шляхтянки бедной. Пасек воспротивился. Началась перепалка, затем — драка со стрельбой. Людей Мурашки выбили (с. 273). Не тот ли это Денис Мурашко? Мурашко упоминается в 1600 г. при битве у Баси как командир волонтеров (с. 159, тоже с. 165). Шляхтянка начала голосить: "святой народ Чарнецкого, проклятый — Сапеги" (с. 274). Ночью приехал сам Мурашко — установить, кто побил его людей. Оказался грамотным, читал документ Пасека, писанный по-польски (с. 275). Несколько раз упоминает Пасек Мазепу. Еще одна стычка с пальбой. Верх взял Пасек (с. 276—278). Один из партии Мурашко был "значны литвин" — Шемет (с. 279). Поручено провожать русских послов. С этим выехал из Койданова до Смолевич. Остановился у богатого москаля!!! (с. 294). Туда приехали послы (с. 294). На пиру посол начал: "царь государь Великой, Белой и Черной Руси самодержец" (с. 295). Посол приглашал Пасека на обед, на "лебединое гузно и на колено белуги" (с. 296). Пасек никогда не слышал о белуге, и редактор под строкой объяснил, что это такое (с. 296). Смоловичи — [не] Смолевичи, а что-то другое, около Вязьмы, так как далее идет Дорогобуж и Смоленск (с. 297). Ряд выражений по-русски — разговор с членами делегации. Взаимная похвальба (с. 300). Приехали в Новогрудок, занятый отрядом конфедератов. Начался спор. Пасек вооружил всех, включая русских, выбил конфедерат[ов] из помещен[ия], требовал от Новогрудка 130 коней. Войт был арестован и сидел в кандалах. Наконец, конфедератов напугал, с мещанами сговорился, поехали к Мостам (с. 308—309). История, как Мазепу раздели и посадили на лихого коня (с. 325).

То, что "Литва" выскандалила себе право третий сейм собирать у нее, для поляков "утяжливо" (с. 510). Подробное описание ручной выдры, которая ловила хозяину столько рыбы, сколько он просил (с 512—517). Собираясь в поход против турок у Вены, король Собесск[ий] долго ждал у Кракова литовское войско и пошел не до-

ждавшись. Судя по тексту, лит[овское] войско в битве не участвовало (с 534—536).

В указателе: Мазепа — гетман казацкий (с. 627).

К сожалению, только личный указатель. Для меня очень важен географический, которого, однако, нет.

П.А.Толстой. Одним из первых русских авторов, писавших о Белоруссии, был стольник Петр Андреевич Толстой, посланный царем Петром за границу. Человек немолодой (во время поездки ему исполнилось 52 года), достаточно по своему времени образованный и весьма умный (это ему Петр поручил уговорить царевича Алексея вернуться домой). Толстой много чего увидел во время путешествия, но то, что написано им о Белоруссии, не представляет большого интереса. Белоруссия (или в представлении Толстого Польша, хотя и отличающаяся от "настоящей" Польши) была для Толстого заурядной страной, не имевшей чем поразить путешественника и во многих отношениях похожей на Россию. Проехав через всю Белоруссию с востока на запад, Толстой ни словом не обмолвился о природе. Очевидно, лесистая равнина казалась ему настолько обычной, что он не находил в ней ничего, что бы стоило отметить. Примерно то же получилось с большей частью Польши; картины природы, заставлявшие путника обратить на них внимание, начинаются только в горной местности, в частности в Альпах. Всего более вызвали его любо[пытство] Неаполь и его окрестности (путешествие Толстого окончилось в Италии).

Толстой выехал из Москвы ранней весной (27.III.1697 г.?). Ехал он санным путем на Смоленск. Ночевал раз "у смоленского шляхтича Станкевича" (№ 2, с. 171)*. Граница между Речью Посполитой и Россией шла тогда по реке Ивате, пограничная деревня была Романово. Здесь уже начинаются ошибки. Толстой утверждает, что это село принадлежало княжне Слуцкой, княжна же находилась "в опеке или обороне воеводы Троицкого пана Оляховского" (с. 173). Ко времени поездки Толстого род князей Слуцких давно вымер (последняя представительница этой фамилии — София умерла в 1612 г., став к тому времени княгиней Радзивилл). Троицких воевод не было; дело идет о троцком воеводе, но в 1697 г. этот пост занимал [Богуслав Александр Униховский].

Затем проехал в Горки, принадлежавшие тогда гетману ВКЛ Сапеге. В этом городке Толстой насчитал около тысячи дворов. Впрочем, размеры городов едва ли не самая ненадежная часть сведений Толстого (преувеличение), зато расстояния между населен-

* Тут і далей спасылкі на публікацыю дарожных нататак стольніка П.А.Талстога ў часопісе "Русский архив" за 1888 г.

ными пунктами у него достаточно точны, а отмечал он едва ли не все пункты, через которые проезжал. Переехав через глубокую реку Басю, Толстой 30 марта приехал в Могилев. Могилев был королевским городом, но, как и вся Могилевская экономия, он находился в пользовании Сапеги, управляющим которого был шляхтич Бурба. За разрешением въехать послали в "верхний город" к Бурбе, тот приказал Толстому жить в предместье, а в город пускать только временно "для какой нужды случиться" (№ 2, с. 175).

Ни один из населенных пунктов Белоруссии не был описан Толстым так основательно, как Могилев; зависело это всего вероятнее от того, что Могилев был в то время самым большим из городов в Белоруссии и одним из самых больших в ВКЛ. "Город Могилев велик, — пишет Толстой, — и около города посады великие, много в посадах садов. Тот город Могилев больше Смоленска. Кругом посадов город земляной от реки Днепра зачат и таки в реку Днепр приведен". Замок (Верхний город) тоже земляной, "зело высок". В городе было двое проезжих ворот каменных и двое деревянных, башен не было (башни в действительности были). Каменный город назывался жителями королевской экономией, а попросту "королевская кухня" (Могилевская экономия принадлежала к числу так называемых столовых государственных имений, доходы от которых поступали в непосредственное ведение короля).

Жители в большинстве мещане "благочестивой" (т. е. православной) веры. Толстой в любом населенном пункте едва ли [не] всего больше внимания уделял церквам, монастырям, церковной службе, проявляя одинаково интерес как к православным, так и католическим, и униатским обрядам и нарядам духовенства. В Могилеве он отметил наличие Братского монастыря, около которого тянулась высокая каменная ограда и в котором находилась соборная каменная церковь "немалая, изрядного строения" (с. 175).

Кроме Братского, в Могилеве был еще Спасский монастырь с церковью и на посаде 3 церкви каменных и 8 деревянных, а за городом монастыри мужской и женский.

Толстой отмечает богатство мещан: "домов зело много, строения каменныи, многие домы деревянныи хорошего строения". Много в городе было и евреев, тоже живших хорошо. Улицы в Могилеве были вымощены (очевидно булыжником. — *Н.У.*). Находилось много торговых рядов и лавок каменных, в которых было много разных товаров. Вообще, Толстой отмечает, что в городе "харчу всякого много и рыбы живой немало, однако все недешево". Очевидно, Толстой сравнивал цены могилевские с московскими, и могилевские оказались выше московских.

В среду на Страстной неделе Толстой пошел на церковную службу в Братский монастырь, после чего добавил к прежним записям впечатления о церкви этого монастыря: "Та церковь подписана вся стенным изрядным письмом (фрески!), иконостас резной золоченый великий, изрядной работы". Иконостас и иконы были завешены "крашениною вишневою и по той крашенине писаны страсти Христовы живо добрым письмом" (с. 176). В пасхальную ночь священники и дьяконы были в золоченом облачении "зело богатом" (с. 178), в церквах — масса золоченых свечей. Во время ночной службы происходила частая пальба из городских орудий (с. 178). По обычаю могилевцев, в первый день пасхи все находились в своих домах, вечером же "казнодей" сказал "казание зело изрядно" (с. 179). На пасху Толстой был приглашен в гости к купцу Захару Антуфьевичу, у которого оказалась масса серебряной дорогой посуды (№ 2, с. 179). "Езувиты" в то время строили в Могилеве "кляштор" (монастырь") (с. 177), но вообще, судя по записям Толстого, католики в Могилеве были не только в меньшинстве, но по сравнению с православными и весьма небогаты. Отметил Толстой и юридическое положение города, что он "по королевским привилеям вольны город", а "економ мещан могилевских ни в чем не ведает, а судит их всех в делах войт" (с. 177).

Все эти данные, очевидно, не вызывают сомнения. Они показывают город на вершине его благополучия, город, в котором имелись не только мастера-ремесленники, но и художники, город со своими давними традициями, однако размеры Могилева, согласно Толстому, вызывают не просто недоверие, а явно фантастичны. По его данным, в городе было 20 тыс. христианских домов и 10 тыс. еврейских. При таком размере в доме должно жить, по крайней мере, по 10 человек (чем больше город, тем больше жителей приходится на дом). Значит, если принять цифру домов по Толстому, то в Могилеве в конце XVII ст. жило около 300 тыс. человек, но столько тогда не было и в Варшаве, а в Москве числилось по переписи 1701 г. 16357 дворов.

Очевидно, Толстой напряженно собирал сведения о городе, но пробыл там только неделю, 7 апреля двинулся дальше на запад. Дорога, по которой он ехал, была обычной для того времени (говорится не о состоянии дороги, а о населенных пунктах, через которые он проезжал). Итак, Толстой поехал на запад через Булыжичи — Половчин (Головчин?) — Тетерино (везде отмечено, кому принадлежали эти населенные пункты, а также наличие в них храмов, независимо от религии). Бобр, по данным Толстого, было "местечко великое и домов жидовских в нем богатых много, и место людное". Далее "Крупень" (должно быть, Крупки) (с. 179) и т. д.

Перед Борисовом отмечено местечко Нага (очевидно, Нача), Ложница (д. б., Лошница) (с. 180). Как обычно, приехав в новый город, Толстой отмечает, на каком он расстоянии от Москвы и ближайшего города, как в милях, так и в верстах, и, например, от Борисова до Минска 14 миль польских, а русских 70 верст (везде в миле пять русских верст), а от Москвы до Минска 800 верст (с. 183).

В Борисове отмечено наличие земляного замка, сам же город (посад) невелик, униатов нет, но есть католический костел (с. 181).

Как и везде, в Борисове Толстой присматривался к духовенству (здесь — католическому) и отметил, что при ксендзе прислуживает "хлопчик" (с. 181). В Борисовском костеле находился камень, на котором была как бы человеческая ступня. Естественно, что духовенство объявило это проявлением чудодейственной силы (с. 183). Далее проехал через "Жидино", т. е. Жодино.

Минск после Могилева показался, видимо, небольшим поселением, кроме того, в нем православный элемент был несравнимо слабее, чем в Могилеве, однако и там он нашел, что в городе "строения каменного ...немало", есть дом Глебóвича, однако нежилой (с. 184). Стоит Минск на реке "Висловице" (т. е. Свислочи). Это река небольшая, на ней мельница "о четырех камнях" (с. 185). Из Минска поехал на Черкасы—Койданов—Жуков Борок—Мир. Мир невелик, однако и здесь отмечено наличие богатых домов (с. 186). Из Мира поехал на Слоним—Свислочь (и этот городок Толстой называет Висловичи), затем переехал реку Нарву, границу между Польшей и ВКЛ (с. 188). В Бельске население чуть ли не все православное, но и там оказались четыре униатские церкви, мещане богатые. При переезде через Буг отметил, что река шире Москвы и очень быстрая. В Варшаву приехал 30 апреля, значит, затратил на дорогу от Могилева 23 дня.

Толстой сообщает, что Висла впадает в море под Гданьском и что по реке ходит масса судов с разными товарами (с. 191). Подробно описан "замок" Собесского (Виланов); путник очарован его роскошью. Из Варшавы поехал на Радом—Ченстохов, 12 мая был "на цесарской" границе (с. 199, 201), 22 приехал в Вену, которая оказалась городом "зело людным". Видел цесаря и его семью (с. 324—331). 15 июня — в Венеции, где много всего интересного, прекрасно поют в костеле, далее Падуя (Падва) (с. 343, 361). В Рагузе говорят по-славянски (№ 2, 5, с. 6). "Рагузская шляхта" (с. 10), "Гишпанская шляха" (с. 19), "каплица" (с. 22). По дороге в Неаполь в коляске. На поле много хлеба жатого, молотят быками (с. 24). Везувий курился. Его названия Толстой не знал (с. 25). "Интраты" церкви (с. 26). Иезуитский шпиталь и школа очень понравились (с. 45—47).

Matuszewicz Marcin. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego. Wydał Adolf Powiński. Warszawa, 1876.

Из предисловия Повинского: Рукопись принадлежит Марии Русецкой. Рукопись в одном томе, 1601 лист*. Издатель считает, что собственноручная рукопись. Данные записаны с 1714 по 1765 г. (с. I). Перевод латинских слов.

Повинский: O życiu i piśmach Marcina Matuszewicza.

Матушевич писал стихи (с. III). Из минской шляхты, род заможный, занимали разные должности. Дед был богат. Дед отдал отца Матушевича ко двору Доминика Радзивилла. Радзивилл отослал его за границу вместе с Сапегой, конюшим литовским и бобруйским старостой (с. IV).

Бартошевич назвал "памятники" бесценным памятником с точки зрения политической и обычаев (с. XVIII).

Начал писать свой памятник с 1754 г. и затем писал о современности (с XXII). Очевидно, имел "raptularze"**, служившие основой для памятника (с. XXIII). Рукопись чистая, без поправок, писано одной рукой, нет смены ни чернил, ни руки. Очевидно, делал записи, которые позже перенес в целую рукопись (с. XXIII). Очень большая память. Знал генеалогии многих фамилий (с. XXIV). Знал хорошо латынь. Переводчик Горация и Буало (с. XXVII).

Повинский ставит Матушевича очень высоко. Конец предисловия посвящен поэтическому творчеству, главным образом рассмотрению переводов.

M a t u s z e w i c z M a r c i n[a]. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego. 1714—1765. Wydał Adolf Powiński. Warszawa, 1876. T.1.

Предисловие Повинского (с. I—II). Затем — о жизни и сочинениях Матушевича — тоже Повинского (с. III—XI).

В предисловии передаются факты из жизни Матушевича, взятые из самих "памятников". Хвалит Матушевича как поэта и очень культурного человека.

Родился 11.XI.1714 г. в имении Ельно около Каменца, которое его отец держал у гетмана Л.Потея. На пятом году умел читать и писать (с. 3). Ксёндз Гижицкий взял его в Каменецкую школу (с. 3). Затем — в иезуитской школе в Бресте (с. 3). Инспектор там был настолько строг, что один из учеников утопился, а двое сбежало (с. 4). Затем — иезуитская школа в Дрогичине (с. 4). Затем — иезуитская школа в Варшаве, знание латинского языка, чтение латинских авторов (с. 6), учил французский (с. 6).

---

* 1601 страница.

** записные книжки *(польск.)*.

В это время (1731 г.) в Варшаве из-за Слуцка между Радзивиллами шла борьба (с.7).

Сапеги рекомендовали Матушевича королю в грандмушкетеры (с. 8). Очень подробно, с указанием чинов, кто был на сеймике или в Варшаве при выборе короля, относительно подробно об Олькениках, но это с чужих слов (с. 23).

Русское войско, бывшее в ВКЛ, "нигде не жгли и не грабили", только пугали (с. 34). Это при подготовке выборов короля в 1736 г. (с. 34).

Есть записи о конфедерациях в Ошмянском повете, о дислокации их сил, но так как это писалось по памяти, то не очень достоверно (с. 36—37).

В 1722 г.?* мать Матушевича начала процесс на тысячу битых талеров в связи с перенесением места ярмарки. В 1722 г. Михал Сапега продал отцу Матушевича Расну с ярмаркой, а затем добыл себе привилей на ярмарку в Высоком на день св. Якова, за неделю до Ильинской ярмарки в Расне. В Расну приезжали купцы из Вроцлова, Гданьска с товаром, из Москвы — с мехами, турки из Хотима — с лошадьми. Затем Сапега, подляшский воевода, сообщив, что у него торг бесплатный, расставил по дорогах стражу, которая заворачивала купцов, ехавших в Расну, в Высокое (с. 39), и таким образом перенес Расненскую ярмарку в Высокое. Очень подробно о разных случаях борьбы с русскими войсками. Все мелочь.

Все события 1735 г. Борьба на стороне Станислава Лещинского за трон.

1736 г. Продавал жито из двух комяг* в Добрынове над Вислой в Плоцком воеводстве, так как там оно было дороже, чем в Гданьске (с. 59). Имения Тумин, Телятичи, Литвиновичи и Зубачи, Высоцкие фольварки были проданы генералу артиллерии литовской Сапеге за 100 тыс. и 17 (!) злотых (с. 60).

Сестра Кунигунда, сейчас вдовствующая после Рущица (с. 67). Когда писано?

Витебский каштелян — Сируть (с. 68).

Родители Матушевича хотели восстановить Расну как местечко и с этой целью осаживали там евреев (с. 66).

В доме полностью распоряжалась мать, она же начинала и вела судебные процессы, против воли всей семьи отдавала дочерей замуж (с. 72).

Через пару недель после свадьбы (сестра Матушевича, выданная за Лехницкого) отец стал протестовать, так как жених прибыл не-

---

* Год у рукапісе закрэслены.

* komiega— баржа для перевозки хлеба *(польск.)*.

известно откуда, "непэвны шляхтич", нет у него ни одного дома, не было у него для сестры кареты (с. 72).

Выход замуж Радзивилловны за князя Нейбургского и вопрос о переходе Слуцкого княжества опять в руки Радзивиллов (с. 75—76).

Чтобы получить место секретаря брестского гродского, отец Матушевича обещал брестскому старосте и канцлеру ВКЛ Сапеге 500 дукатов (с. 82). Судья брестский и часть шляхты решили не допускать Матушевича до секретарства (с. 83).

Понятовский продал чин подскарбия литовского Сологубу за 100 тыс. злотых польских (с. 90). У Сологуба от первого брака два сына: один, Иосиф, — теперешний витебский воевода (с. 90). Сестра с Лехницким разведена старанием брата полковника (с. 92). Каменецкие мещане забрали силой у отца Матушевича часть грунта орного (с. 93). Это в имении, купленном у Сузина, а те имели массу земли, купленной и заставной у каменецких мещан. Гродские акты были в плохом порядке (с. 93). Одни находились в соборной церкви, другие — у августинцев (с. 96). Акты у августинцев лежали в фрамуге в стене в шкафчике и там из-за сырости в стене, так как зима была морозная с оттепелями и было мокро, кроме того, часть выпала на пол, больше 200 листов так сгнили, что когда оттаяли, то поплыли (с. 96). Собрав, что было сухим, перенесли в костел иезуитов (с. 96). Все было перемешано (с. 96). Свои речи, пересыпанные латиной, приводит (с. 106 и др.). Пьяные и трезвые без конца ссорятся, стреляют и убивают друг друга. Збойский у перевоза через Неман наехал со слугами на Чижа и так того отделал, что тот еле жив уплатил за это 2000 талеров (с. 113).

Мать Матушевича приказала шляхтича Ластовского так бить канчуками, что тот умер (с. 125). Это у Плоцка. Зять Матушевичей решил сделать так, что Ластовский не был шляхтичем. Для этого он взял из костела метрические книги и на чистом листе вписал покойного. Так как у Матушевича был почерк, похожий на ксендзовский, то мать "с сильными угрозами приступала к нему", чтобы он сделал подлог (с. 126). Жену Ластовского, которая ехала в Плоцкое воеводство, Матушевича отец задержал и держал в своем имении (с. 127). Ксёндз Яроцкий, плебан стоклишский, приказал поджечь здание, в котором спала мать Матушевича, но, по счастью, она не сгорела (с. 130). Поджег дом пастух, которого ксёндз напоил и уплатил (с. 130).

Почти все — внешние события; быта нет.

Зимой 1743 года видели два солнца, одно от другого шагов на 30. Была видна комета с длинным хвостом, на западе (с. 148). От этого и до сего времени падеж скота (с. 148).

Перед поединком люблинского воеводы в костеле, где он был, гасли свечи, а конь не давался, чтобы на него сел (с. 150).

Ковенский маршалок играл в карты так несчастливо, что проиграл все до последнего шелега, даже табакерки, часы, запонки (с. 151). Хороший конь — за 16 дукатов (с. 153).

Что брат Матушевича — "terazniejszy"* полковник, повторяется десяток раз (с. 162 и др.).

Ссоры вообще, ссоры на сеймиках, мелкие дела, титулы при каждом упоминании человека делают книгу скучной и малосодержательной. Разве справочник генеологического порядка.

Споры о наследстве, о возвращении приданого после умершей (с. 167). У Матушевича без конца неприятели, с которыми спорят везде.

В Каменце ярмарка (с. 170). С помощью фактора Сосновский взялся оплатить долги князя крайчего, для чего князь отдал ему "w tenute"** Клецк и Тимковичи (с. 171).

Князь вызвал в Черновчицы врача, задержал его там под деликатным арестом, лишив коня. С помощью Матушевича врач бежал, вернее, его в присутствии Матушевича не решились арестовать. От князя была погоня. В Бресте врача караулили сто человек, но он сумел уйти (с. 172).

Радзивиллы и Сапеги сеймика не хотели (с. 173).

Дылевский, стольник смоленский, на сеймике выступал против диссидентов и евреев. О евреях: если их выгнать, то край бы опустел, но если кастрировать, то было бы хорошо (с. 195). Увидев рядом сидящих пиара и иезуита, депутат на коленях благодарил бога (с. 196).

Рассказ стародубовского старосты о событиях в Чарновчицах. Трое кн. Радзивиллов — один крайчий, другой ловчий, третий воевода новогрудский. Хорунжий выехал из Белой в Черновчицы, а перед собой послал 200 человек бравых (с. 200). Они должны были взять крайчего. Тот выбежал с пистолетом, но его ухватили и вырвали пистолет. Его арестовали (с. 200). Жена крайчего была под замком. Ее выпустили, под замком были и ее сыновья маленькие (с. 200), сидели изолированно в маленькой комнате, где питались и отправляли все естественные потребности. Была там и масса метресс крайчего. Те отвечали, что одна была украдена, другая увезена, третья продана родителями, а одну давидгородоцкий ксёндз, украв у родителей, продал князю (с. 201). Их отправили к родным (с. 201). Были там и "кадетки" — красивые молодые девушки, которые "дозревали", дожидаясь своего времени (с. 201). Были босые,

---

* нынешний *(польск.)*.

** в аренду *(польск.)*.

в одних рубашках, голодные, всегда под замком (с. 201) . Крайчего силой посадили в карету и повезли в Белую (с. 201). Потом его фаворита, жида Симона, нашли и повезли в Белую. У него нашли 200 тыс. золотых (с. 201). Это 1748 год.

1749. Проходило русское войско (7-летняя война), везде [все] в порядке, за все платили (с. 204).

1750. Сестре Текле посаг назначен в 100 тыс. злотых (с. 215).

Описывает разные унижения, которые пережил, чтобы стать подкоморием брестским (с. 219, 220, 221).

В "заезд"* на Булков — наперед несколько сот земян и шляхты (с. 225). Спешно приехал в Булков на рассвете (отец Матушевича был заставным посессором Булкова).

Увидел выстроенных нескольких сот людей, готовых к нападению. Служащие и арендатор убежали, но дело до битвы не дошло — приехал судья Ожешко (с. 225).

Пшездецкий купил Минское войтовство (с. 237). Продавалось и Минское староство (с. 237).

Кажется, что автор нигде и никогда не задерживался больше, чем на неделю. Он все время в движении, без конца встречи, дела, интриги — гоняется то за чином, то за деньгами. Местность, где он был, его не интересует нисколько.

М а т у ш е в и ч, т. 2. 1754 г.

Сватался к дочке литовского хорунжего. Отец потребовал, чтобы жених отдал ему какой-то важный документ. Матушевич не согласился и сказал невесте, что у них ничего не будет (с. 3). Дед автора был сперва коморником, потом скарбником Минского воеводства (с. 6). Жена принесла деду Юнцевичи в приданое (с. 6). С 1663 г. — смоленский подчаший (с. 6). Отец автора в 1688 г. был на сейме, где судили Лещинского (с. 7). В 1691 г. отец взял в Минском воеводстве чоповое и шележное (с. 7). Имел 13 имений, среди них Ислочь и Лабенщину. Все это утратил в связи с неудачей аренды чопового (с. 7). 1695 г. — развод (с. 8).

Отец автора — сперва минский чашник, потом стоклишский староста (с. 11). Учился у минских иезуитов (с. 11). В 16 лет отдан ко двору Доминика Радзивилла (с. 11). Дом Сапег — "наймоцнейший" в Литве (с. 11). Отец предложил отцу Матушевича ехать за границу с Сапегой. Тот стал (отец) продавать коней, чтобы иметь деньги, и продал на 200 талеров (с. 11). Два раза Сапега брал у него по 50 талеров, в 1692 г. поехали за границу (с. 11). Взяли с собой клецкого кононика из мещан, высокой эрудиции (с. 12). За границей были 5 лет (с. 12). Жена соседа Эстки перешла в иудейскую веру и сбежала с евреем в Амстердам (с. 13). Начало

* наезд (*польск.*).

XVIII ст. Отец автора вернулся из чужих краев и навез много вещей, купленных дешево, распродав, получил много денег, за которые купил имения (с. 16, 17). Принадлежа к Сапегам, был против шведов, из-за чего с дивизией бродил по разным местам (с. 17). Будучи под Плоцком, отец женился (с. 17). Отец еще раз в Риме накупил разных вещей, которые затем выгодно продал в Польше (с. 19). Год не сказан. Матушевич, отец, вывез из Гданьска много зерна и заработал 16 тыс. тынфов, а всего — 50 тыс. злотых, за что взял в заставу Расну и одолжил Сапеге 20 тыс. (с. 21). Русское свято (с. 21).

Дед автора держал минское и оршанское чоповое (с. 9). Год не указан. Брат деда, волынский подвоевода, убив значительное лицо на дуэли, сбежал на Миншину к брату, где и умер, а его жена сгорела (с. 10). Дед жил лет 90 (с. 16). Отец автора учился у иезуитов в Минске (с. 11), окончил школу в 16 лет (с. 11). Когда отец подрос, его отправили за границу вместе с молодым Сапегой Яном учиться, что этот Сапега любил тратить деньги и амурничать, а Матушевич должен был его сдерживать (с. 11). Уехали в 1692 г. (с. 12). При Сапеге смоленский каноник, "клецкий мещачук", человек высокой учености (с. 12). Спекулируя хлебом в Бресте, заработал отец крупные суммы (с.20). Два раза привозил из-за границы разные товары и, продавая их дома, заработал крупные суммы (с. 19, 20). Сапега создал ярмарку в Высоком, в связи с чем ярмарка в Расне заглохла (с. 22). Знал языки досконально: французский, итальянский, немецкий, немного по-испански (латынь не упомянута) (с. 24). Умел рисовать и играть (с. 24).

Автор женился в 1709 г., имея 37 лет (с. 25). С 1710 по 1725 г. жена родила 13 детей, а одного "уронила"* (с. 25—26).

Сапега продал отцу Матушевича местечко Расну, где ранее была ярмарка, а вместе [с этим] он добыл привилей на ярмарку в Высоком, которое оставалось за ним (Сапегой). Затем он стал везде разглашать, что в Расне ярмарки не будет, а будет в Высоком. Чтобы это подкрепить, Сапега поставил на дороге в Расну конный литовский регимент, который не разрешал купцам ехать в Расну. Несмотря на все это, ярмарка в Расне сохранилась, а в Высоком не привилась (с. 21, 22). Дает характеристику своего отца, конечно, чрезвычайно лестную (с. 23). В числе прочего давал деньги на костелы, в своих имениях Городище, Рогачах и Шешове построил церкви (с. 24). Часто читал жития святых, в особенности ценил произведения Фомы Кемпийского (с. 24). Досконально знал языки французский, итальянский, немецкий и немного по-испански (с. 24). Умел рисовать и играть на флейте (с. 24). Умер в 83 года (с. 25). Автор имел 14 детей, а одного жена "поронила" (с. 25—27). Описано,

* poroniła —выкинула *(польск.)*.

где родились дети, когда кто был кумом (с. 25—27). После смерти [отца] между братьями начались свары. В особенности брат Вацлав напал на автора "с фурией"*, потом еще бесконечные ссоры (с. 27—29). Рогачи в Беловежской пуще (с. 28).

Обряд похорон отца. Брат автора "с фурией" сразу потребовал, чтобы было прочитано завещание, читали ночью, пока никто из гостей не приехал (с. 27). Тяжелые ссоры с братьями о наследстве (с. 30, 31). Покупал оливу для освещения (с. 33). На Троицу ехал в костел и встретил телегу с убитыми (пострелянными) двумя своими крестьянами и одним княжеским (с. 33). Оказалось, что брат автора в первый день Троицы собрал дворовых с ружьями и крестьян с косами и серпами. Дело в том, что между владениями было болото, на котором обе соседние деревни пасли скот. Тогда пасли крестьяне из Чернева. Их предупредили, что собираются бить, и они бежали домой. Но противная вооруженная сторона дошла до деревни, стала выгонять скот из сараев, а крестьяне — не давать, тогда напавшие стали стрелять по ним. Командовал акцией не брат, но подстароста его Домбровский (с. 34). Имел долга 32 тыс. злотых. Хозяйствованье начал с того, что стал осушать болота (с. 35).

Сеймик в Бресте, где получился скандал и чуть не произошло убийство Флеминга (с. 41). Грызня между шляхтичами, доносы, фабрика фальшивых документов и пр. (с. 42—43). Свадьба. Кратко — обрядность (с. 45). При пожаре сгорели экипажи и лошади — перечисление экипажей (с. 46). Минская мельница была отдана по контракту на три года минским старостой Ивановским минским мещанам (с. 69).

Пришло сообщение, что воевода новогрудский, полковник гусарский, в своем имении на Литве умер (с. 76).

Перед сеймиком в Бресте в 1755 г. рекомендовал хорунжему литовскому Радзивиллу, чтобы он за три дня до сеймика приказал отряду своих гусар в 200 человек стать в двух милях от Бреста, в Черновчицах, а также чтобы и другим своим отрядам тоже приказал стать поближе, чтобы противники знали это (с. 82), что радзивилловские силы стоят в предместье Бреста. Затем разгласил, что Флеминг, подскарбий, больше экономий Кобринской и Брестской держать не будет (с. 82). Стал с братом в Августианове, и противная сторона всю ночь караулила их, чтобы они там не собрали сеймика (с. 83). Принимал меры, чтобы "тумульту"** не было, но, войдя утром в костел, увидел, что один из его сторонников душил противника за горло и едва не удавил. Освободив убиваемого, услышал, что в другом конце костела ухватились за сабли (с. 83), 14

---

* с яростью *(польск.)*.

** шума, суматохи *(польск.)*.

человек противной партии порублено (с. 84). Офицер Радзивилла, лотаринжец, которого обвинили в невыгодном высказывании против князя, был казнен (с. 86).

Похороны отца оплатил один автор, братья не дали ничего (с. 92). Выборы депутатов, драки, интриги (с. 97, 98). Волосовский, капитан конного регимента литовской булавы, встретив поручика того же регимента Боруцкого, начали ругаться, затем подрались за чуприны и бились кольями, следствием была дуэль (с. 103), но до дуэли не дошло, так как был суд (крысрехт* назначил князь) (с. 103). Подробно, с указанием родства, говорится, как добивались разных должностей и аренд, как враждовали из-за этого (с. 105—107). Противники Чарторыйских с помощью Радзивилла (вернее, выполняя волю Радзивилла) старались не допустить, чтобы виленским епископом стал Масальский, сторонник Чарторыйских (с. 108). Дал первому министру Брилю 3 тыс. червонных, а тот дал записку, что никогда Масальский не станет виленским епископом (с. 109). Все совали Брилю и другим, власть имеющим, деньги, за что получали чины (с. 110—114). Выехав из Всховы, сразу начал писать дневник для князя Радзивилла, который сейчас же и отослал в Несвиж (с. 115). Перечисление ряда крестьян, живших в Виланове или на Кобринщине (с. 124—127). Бесконечное описание расследования о попытке врагов доказать, что Матушевичи — не шляхта.

Перед сессией скарбового трибунала враждующие партии применяли очень различные средства борьбы. Маршалком на сессии должен быть Завиша, стародубовский староста. Противником был Францкович, подстароста пинский, сторонник литовского канцлера (?), пригласил своих сторонников на пьянку, а когда ехал минский депутат Володкович, противник Францковича (его стороны), то Францкович пригласил и его, а там навалились на него целой бандой и нанесли 20 сабельных ран. Неожиданный приезд трибунальского маршалка спас Володковича, все разбежались (с. 140, 141).

Без конца упоминания о разводах и новых женитьбах.

Дело о невесте Матушевича – выйти за него замуж или нет – решалось родней невесты с учетом отношений между покровителями жениха и невесты. Это то же, что позже (да и раньше) касалось коронованных особ (с. 144). Покровителем Матушевича был Радзивилл, виленский воевода и великий гетман (с. 145). Это было (сватовство) в Ковно. Оттуда Матушевич поехал в Несвиж, к празднованию дня св. Михаила, потом в Слуцк, к брату Радзивилла. На именины слуцкого князя Матушевич написал "вершы", ко-

* Kriegsgericht — военный суд *(немец.)*.

торые князь "ласкаво принял" (с. 145). После обеда гости поехали на полмили от Слуцка для развлечений. Там было место, ограниченное шпалерами (сделана улица из шпалер), а в середине этого было высокими шпалерами огорожено несколько курганов с окнами. Под шпалерами были выкопаны рвы, полные воды. Из-за шпалеров с тылу гнали диких свиней, которые выскакивали через окна в шпалерах, а оттуда – на широкую арену, окруженную высоким барьером. На свиньях верхом сидели куклы (фигуры евреев), одетые в разнообразные наряды. Панове стреляли по бегающим свиньям (с. 145). Были также и дикие утки, сделанные из стекла. По ним тоже стреляли панове, и они "убитые" тонули. "Была и иных масса вещей особенных, сделанных для дивертисмента и потехи, которых трудно описать" (с. 146). Оттуда гости поехали обратно в Слуцк, где слушали итальянскую оперетту, а вечером были танцы. Утром Матушевич пошел к князю хорунжему, "пал к его ногам, отдаваясь на его протекцию в моем деле, а одновременно прося, чтобы он удержал просящего на месте в качестве депутата на трибунал от Минского воеводства" (с. 146). "Целовал больного князя в ноги. Князь принял все это милостиво и обещал сделать все, о чем его просил". Это [был] князь Иероним (с. 146).

"Тем временем кн. Радзивилл, мечник литовский, маршалок трибунальский, приехал в Минск, и въезд его был пышный. Шло за ним двести драгунов, людей отборных из его надворных сил, шло сто человек из янычарской хоругви, тоже надворных, кроме того – сто человек венгерской пехоты трибунальской. Встречать князя выехало за полмили все Минское воеводство" (с. 147).

Радзивилл получил известие, что одна стена в замке, со стороны скарбца, упала и изорвала на несколько сот тысяч сукна и дорогих мехов, лежавших в сундуках, но он был очень доволен, получив известие, что Матушевич выиграл (с. 171).

1756 год

Пили каву (с. 177). Сразу после свадьбы – болен (с. 177). Ковенский сеймик лет 50 как не был сорван (с. 178). Депутат трибунала Пресецкий, который в деле Матушевича брал взятки и от Радзивиллов, и от противной стороны, по приказу Радзивилла был избит почти до смерти (с. 180). Очень беспокоился о том, кто будет сеймиками избран депутатом на трибунал. Сеймики Ковенский, Минский и Брестский (с. 181). Флеминг дал 2 тыс. злотых витебскому каштеляну Сирутю и 200 злотых – Забеле, ковенскому маршалку [за то], что его изберут депутатом от Ковна (с. 182). Перед выборами в Бресте приказал своему администратору, чтобы выставил поболь-

ше вина, меда, водки и прочих кухонных вещей как можно больше представил в Брест. Хотел, чтобы брат раздал нужным людям 200 червонных, для чего следовало сделать заем, но брат не захотел (с. 184). В деревне Великой жил старик, которому было больше ста лет (с. 189). В молодости был псарем у Доминика Радзивилла (с. 189).

Слуцкий князь Иероним Радзивилл имел около трех тысяч войска, не считая земян и казаков, отправляющих военную службу с земли (с. 200).

Описание парада или просто смотра войск гетманом (с. 223–225). Получив от гетмана (кажется, за ничто) тысячу червонных, пал к ногам и целовал их (с. 227). Часто цитирует большие письма, писанные самим и полученные от кого-то. Значит ли это, что делал копии или же что был секретарь, или, наконец, что это фантастика.

Без конца о том, что его обвинили, что он не шляхтич. Из разговора на эту тему с Радзивиллом: "Разве мало случаев, что шляхтянка выходит за хлопа?" (с. 240–241). Начало семилетней войны (с. 242).

1757 год

Ехали к Жировицам, чтобы отдаться под покровительство Жировицкой богоматери (униатской), католики (с. 289). Это не один раз.

Этот год был тяжелым, весна голодная, подданные приходили с мешками за хлебом во двор. Видя, что всех не снабдить, тем более что некоторые, у кого хлеб был, прятали его и шли за помощью к пану, решил так: кто хотел получить хлеб – пускай работает за деньги и за эти деньги чтобы купил хлеб или у пана, или на базаре в Высоком (с. 295). Вначале люди боялись этого и не хотели, тогда пан приказал двоих, кто пришел за хлебом, отправить на работу в Итальянский сад, а за работу приказал накормить, дать порцию водки и вечером заплатил по шестаку. С этого времени крестьяне стали ходить на работу, и при долгом дне стал платить по 2 шестака (с. 295). Шла семилетняя война, и Апраксин с русским войском был в Гродно (с. 297).

Под конец – о Помпадур, ее всесилии, о неудачных для французов битвах с прусаками (с. 314–315).

Матушевич, т. 3н. 1758–1762.

1758 г. Бочка венгерского вина – 22 червонных злотых (с. 3). Матушевич с полковником Пашковским и Борецким делили деньги: кому сколько дать (с. 3). Это в связи с сеймиком в Бресте (с. 3). Канцлер, зная о подготовке гетмана (Радзивилла?), принял свои

меры. В начале сеймика Матушевич привел около 100 [человек] шляхты. Набралось немало и еще сторонников (с. 4). Флеминг, подскарбий. Заехал Матушевич к нему – оказать почтение (с. 4, 5). Пашковскому дал 25 червонных, "чтобы был нашим секретным приятелем" (с. 5). Как только Островский начал говорить (в бернардинском костеле собрались), к нему подбежали Пашковский и А.Гейштор, слуга брата моего хорунжего, сейчас же стащили его с лавки и вытолкали. Он скрылся в алтаре* (с. 5). Чтобы Товянский уступил, сложившись, давали ему 150 червонных, но брестский воевода предупредил, чтобы не уступал (с. 5). Сеймик сорвали (с. 5).

Споры и драки между разными группировками (с. 6). Матушевич всегда прав (с. 6).

Поблагодарив бога, что их партия спокойно и с достоинством вышла из того сеймика, сошлись вместе и стали пить и веселиться (с. 7). Брат Матушевича, полковник, просил, чтобы тот подарил ему двух "хлопов", которые находились в Пинском повете у Гедройця, так как купил имение, в котором было только 9 "хлопов", нуждался в рабочей силе (с. 10). Поэтому, где было можно, собирал людей и садил их в имении (с. 10). Гедройць, однако, не только не отдал "хлопов", но, напившись, стал утверждать, что Матушевич не шляхта (с. 11).

Радзивилл доложен был отдать дочь свою за Масальского, польного гетмана литовского (с. 13).

1 7 5 9 [год]

Опять расчеты, кому сколько следует дать на сеймике (с. 39).

Подробно, как был утвержден герцог курляндский в Варшавском замке, как шли цехи, кто был в зале (с. 40–42).

Радзивилл, литовский хорунжий, для короля около Варшавы устроил охоту, на которую медведи, кабаны, лоси были привезены в клетках к Варшаве [со Слуцка], другие звери из Белой, а также волков, лисиц, серн (с. 42). Князь под Уездовом приказал огородить полмили, насадить деревьев, сделать из деревьев красивые улицы, в середине для короля – двухэтажный зал, покрытый французским зеленым сукном и бархатом, вокруг паркана – лавки для публики. Когда охотники стали с мушкетами, а король занял место, пустили зверей. Охотились около 5 часов (с. 43). Затем – карнавал.

Переводил с французского сатиры Буало (с. 46). Это – между делом.

---

* Недакладнасць перакладу, трэба: *в ризнице*. У Матушэвіча: *do zakrystyi*.

Готовясь к Брестскому сеймику, Матушевич разослал 2 тыс. тынфов, "собирая приятелей на сеймик" (с. 65). Радзивилл, хорунжий, из Белой приказал выдать ему 1 тыс. злотых, что касается Радзивилла, великого гетмана, то на него вообще надежд не было (с. 65). Флеминг, подскарбий, держал Кобринскую и Брестскую экономии, почему имел большое влияние на шляхту (с. 65). Приехав в Белосток, узнали о расстреле Володковича (с. 70). Одна из Володковичанок была за Радзивиллом (с. 70). Их враг – Пшездецкий (с. 70). В Минске сессия трибунала, где Володкович хулиганил. Это решили использовать его враги (с. 70, 71). Была трибунальская хоругвь (с. 75). Володкович сам был судья и подскарбий Главного трибунала (с. 76). Один из депутатов, бывших там, вырвал у Володковича саблю, за что был богато вознагражден Чарторыйскими: женился на дочери маршалка краковского каштеляна [Понятовского] Карася и взял большое приданое и, кроме того, стал вице-экономом в Могилеве (с. 77). Ночью Володковича расстреляли, опасаясь, что друзья постараются его освободить (с. 77). Володкович, узнав [о] неизбежности казни, сильно плакал (с. 77). Князь хорунжий (Радзивилл). Был он неизмеримо умен и очень быстрой "suspicyi"*, очень любил "magnificencya"**, но только для показа, а внутренне был скупой, любил прихлебательство и похвалы, очень любил охоту, имел несколько тысяч своего войска, но сам был боязлив и поэтому для тех, кто ему служил, был строгий и жестокий, многих арестовывал и долго держал под стражей, не желая судить (с. 85). Матушевич у него "был в ласке" (с. 85).

У этого князя хорунжего был Вольский, ловчий великий князя, злой по характеру, многих невинных обвинял, и приводивший в исполнение все жестокости князя, и сам был жесток: за малые поступки был у него обычай давать 500 розог или plag***. Говорят, что при выслеживании и облаве зверя за то, что люди не доглядели, приказал несколько крестьян повесить (с. 85). Вольский после смерти князя помчался в Несвиж сообщить, что хорунжий умер, не оставив завещания (с. 85, 86). Князь несвижский приказал выпустить всех сидевших в тюрьме: некоторые, выйдя на воздух, тут же умерли (с. 86).

Когда бумаги хорунжего привезли в Несвиж, Радзивилл Карл нашел в них договор хорунжего с Иеронимом, направленный против него, писанный рукой ксендза, близкого к Карлу (с. 87). Мар-

---

* догадливости *(латин.)*.

** великолепие *(латин.)*.

*** ударов кнутом *(польск.)*.

тин Радзивилл был арестован братом своим Иеронимом и привезен в закрытой карете из Белой в Слуцк, просидел 6 лет (с. 87).

Когда приехал Матушевич в Брест, у него на обед собралась вся шляхта (с. 93). Во дворе ходил и поил всех, но сам не пил (с. 93). Однако таки напился, и по настоянию Сосновского поехали к Флемингу, где пили еще (с. 94). Брат корил Матушевича, что он целовал Флеминга в живот (с. 94). Ходили с братом к конкуренту Кропинскому, просили, чтобы тот отступился, тот не согласился (с. 94). Наконец, Кропинский уступил, однако Матушевич не стал депутатом (с. 95).

Гетман (Радзивилл) прислал Матушевичу какие его пункты вставить в инструкции сеймика (с. 96).

В Слониме умер Сапега, подканцлер. В связи с этим началась борьба за этот чин (с. 99). Чарторыйские добивались для своего кандидата (с. 99). Кн. Огинская выдала на это несколько сот тыс. злотых, чтобы провести своего (с. 99). Чоповое и шележное Брестского воеводства было у Матушевича (с. 100). Бриль, королевский министр, заговорил ласково с Матушевичем (с. 101, 102). С Радзивиллом, оставившим Матушевичу 100 злотых. Тому не так были дороги деньги, как ласка (с. 102).

1 7 6 1 [год]

Рождение детей (с. 107 и др.). Кумовья все с чинами.

Переводил Горация на польский (с. 107). Подготовка к выборам в трибунал: разослал 2 тыс. тынфов шляхте (с. 107). Решили, что необходимо утром сорвать сеймик, чтобы не прошел неугодный депутат (с. 109). Пришло письмо-наказ от Радзивиллов, чтобы депутат был Матушевич, иначе сорвать сеймик (с. 110). На сейм должен быть вынесен вопрос о плохой монете, что сильно отражалось на жизни страны (с. 116). У Седлицкого был славный фельдшер Миллер, которому пан разрешал везде ездить, почему тот замного зарабатывал (с. 116). После смерти бездетного Седлицкого между его родней началась борьба за наследство (с. 117). Пили каву (с. 118). Полностью – как вертелся перед великим коронным гетманом, проезжавшим через Расну (с. 117, 118). Стольник Смоленского воеводства Дылевский, будучи послом от воеводства в сейме, в 1748 г. внес предложение кастрировать всех евреев (с. 128).

Писал стихи в честь кн. Радзивиллов (с. 136, 137).

При споре за участок земли одна сторона выставила толпу крестьян с ружьями, косами и цепами. Когда Матушевич подъезжал к толпе, послышалась стрельба и крики. Матушевич побежал к месту

и увидел, что крестьяне разбегаются, у противной стороны один крестьянин убит (с. 149). Разбиты противники Матушевича (с. 149).

"Хлоп" Матушевича был убит, и труп его лежал на дороге. Убили крестьяне ксендза Буховецкого (с. 150).

1 7 6 2 [год]

Смерть Елизоветы – радость Чарторыйских (с. 158). Въезд в Вильно виленского епископа кн. Масальского (с. 170–172). Умер великий гетман Радзивилл. Он всегда стоял заодно с королем. Вторая его особенность: держался так, что был прихильным с Петербургским двором, в особенности – с Елизаветой. Ел мало, спал мало, так был занят (с. 176). Смерть Радзивилла вызвала горе у сторонников и радость у противников, в особенности польного гетмана и епископа виленского Масальских (с. 176). Мечник литовский был сын гетмана. Жил в Несвиже (с. 176). Встретив мечника, Богуш дал тому выпить, с горя мечник напился пьян, пользуясь чем мечник добыл у князя в заставу Дубинки, дающие 30 тыс. ежегодного дохода, а Абрамовичу, виленскому подвоеводичу, пожизненно Суботники (с. 177). Богуш – виленский мечник (с. 176).

Похороны гетмана: в зале дворца Радзивиллов. Какой гроб, что лежало у гроба, кто был, кто говорил речь (с. 182). Король начал раздавать оставшиеся после гетмана владения: староство Порчевское – Коссаковскому, подскарбию надворному коронному, староство Каменецкое – Вельгорскому, кухмистру [литовскому], Осецкое – Гедройцу и т. д. (с. 184).

М а т у ш е в и ч, т. 4[и]. 1763–1764 гг.

Новый год встретил в Несвиже у виленского воеводы. Много пили за здоровье князя, стреляли из штурмовых орудий так, что высыпали окна и дали трещины стены (с. 3). Очень пил князь. Стрелял сам князь (подносил фитиль) (с. 3). Матушевич пытался получить от молодого Радзивилла те суммы, которые должен был ему покойный (с. 3). Вдова воеводы жила в Мире, писала по-польски стихи (с. 4). Врачи у магнатов – немец и француз (с. 5, 6). Виленский воевода прислал 30 тыс. злотых, чтобы Матушевичу досталась "ласка" маршалка трибунала, но было поздно (с. 7). Маршалок Масальский, сын великого гетмана, умер простудившись (с. 6). Удальрик Радзивилл, конюший литовский, влюбился в Валиховскую, просил жену о разводе, хотя не был способен к брачной жизни (с. 9, 10). Чтобы добыть денег, продал свое конюшество Вростовскому за 500 тыс. злотых червонных (с. 10). Он же продал секретно писарство литовское Тизенгаузу (с. 10). Тизенгауз

действовал через метрессу королевского камердинера (с. 10). Перед очередным сеймиком шел торг о том, кто будет маршалком, кого изберут на сейм. Все за деньги.

В Слониме сеймик происходил в дворце Огинского, но Огинский оцепил дворец с депутатами своей воинской частью, маршалок слонимский Волович с депутатами ушли к бернардинам и там произвели выборы, выбрали Радзивилла, подкомория литовского, и Кобылинского (с. 11). На Брестский сеймик Матушевич послал 2 тыс. злотых, чтобы избрали его брата (с. 11).

Обычно лечил раненных цирульник (с. 20).

В Вильно Чарторыйские держали русского полковника Пучкова, чтобы он доносил императрице о событиях. Чарторыйские – против Радзивилла, виленского воеводы (с. 25).

Епископ виленский выступил против Радзивилла, указывая на его поведение. Потом Нарбут, лидский маршалок, сказал, что отдается со всем рыцарским сословием под покровительство императрицы (с. 26). Просил Пучкова все сообщить императрице (с. 26).

Манифест. Все это, собравшись на Главный трибунал (сессия?) (с. 27). Против Радзивиллов, указывая на его насилие. Еще манифест (с. 29–30).

И.Коссаковский. Воспоминания*.

Прочитать было нужно, но извлечь из этих записок можно немного. В общем, "дух" тот же, что у Матушевича, но у Косс[аковского] гораздо сильнее выпирает клан, возможно, потому, что это лицо духовное и, значит, детей (официальных) не имел. Очень много о своем главном враге – Тизенгаузе, немало и о других врагах, которые старались перехватить доходные аренды или вообще что-то денежное. Без конца сообщения о денежных расчетах, везде фигурируют долги: чуть ли [не] каждое упоминаемое лицо кому-то должно, а при получении какого-то имения или даже наследства обязательно идет разговор о тяготеющих на этом имуществе долгах.

Выступает епископ и в роде* свата: будучи в Варшаве, создал проект сватовства литов[ского] ловчего Забело с варшавской каштелянкой, за которой должно следовать 100 тыс. злотых приданого. Но этого жениху было мало, и епископ хлопотал, чтобы ему назначили 9 тыс. пенсии (с. 141).

О первом разделе Р[ечи] П[осполитой] нет ничего. Это было что-то совсем далекое для Коссак[овского]. Вообще, все только мелкая возня о приобретении еще и еще, об устройстве брата и племянников, о какой-то еще посессии. Хотя около короля не был постоянно

* Так у арыгінале.

или даже часто, но все время напоминается, что король подписал кому-то такую-то должность или пенсию.

Pamiętniki Józefa Kossakowskiego, biskupa Inflanckiego 1738–1788. Wydał Adam Dorowski. Warszawa, 1891.

Предисловие – А.Доровский. Коссаковский был хорошим человеком, но легкомысленным. Противился деспотизму Тизенгауза (с. 2). Был автором нескольких книг, в том числе для детей (с. 2). Бискуп и его семья принадлежали к фанатическим республиканцам (с. 3), т. е. отстаивали анархию. Михаил Коссаковский – витебский воевода (с. 4). Родился в 1738 г., в 1769 г. – шамбелян Августа III. Стал духовным, каноником виленским (с. 4). С 1775 г. – писарь ВКЛ. С 1781 г. – "бискуп" инфлянтский (с. 4). С 1788 г. в Постоянном совете, противник любых реформ (с. 4). На с. 7 предисловие кончается. Отец, живший около Ковно, был хорошим хозяином: рубил леса, копал ставы и канавы, собирал ремесленников (с. 10). Сам автор в детстве болел оспой и стал рябым. В то время еще не знали о прививии оспы (с. 11). Учился в иезуитской школе, окончив в 17 лет, знал латину, немного счет (арифметику?), начало географии Европы, катехизис и пр. (с. 12). В 1757 г., когда проходило русское войско, мать Коссаковского подписала контракт на поставку продуктов и фуража, на этом Коссаковский, скупавший нужное по краю, заработал 16 тыс. пиастров. Войско ничего не брало даром (с. 18). Один из Коссаковских, владелец имения на Жмуди Билевич[и], женился на дочери мельника, "хлопа". Опасаясь гнева опекуна (отца автора), бежал и вообще исчез (с. 20, 21).

Возвращаясь из Слуцка в Вильно, наехал на банду грабителей, спасся тем, что заявил, будто он тоже бандит. Четыре часа был как бы членом банды, потом сумел отделиться (!!!) (с. 26–27).

В главе первой (1737–1763) о разделах не могло и быть ничего. Глава вторая (1763–1775) – о разделах вскользь.

Епископом назначен перед смертью Августа III, примерно в 1763 г. Сестренцевич ранее был кальвинистом и гувернером княжат Радзивиллов (с. 56). Шимон Коссаковский, будущий гетман, – младший в семье (с. 59). Пулавский, конфедерат, через Брест "впал"* в Волковысский и Слонимский поветы, агитируя за присоединение к конфедерации (с. 64).

Матушевич был связан с Барской конфедерацией, принимал меры для соединения с конфедерацией генеральной (с. 65). Купил имение около Ковно Скоруле [у] Скорульского за 130 тыс. злотых[...] (с. 65).

---

* ворвался, наехал *(польск.)*.

Брат Коссаковского, вернувшись из Саксонии в 1772 г., создавал отряды, с которыми воевал в Жемайтии. Всего успешнее под Вилкомиром, где разбил роту русских. Движение охватило воеводства Минское, Полоцкое, Мстиславское (с. 73). Услышал о разгроме Огинского под Столовичами и [его] бегстве с Хоминским за границу (с. 74).

Далее – 1774 г., о разделе – ничего (с. 77). О том, как старался добыть суфраганию* в Троцком воеводстве (с. 81–83).

Все время материальные интересы: взял должность, перехватил имения, ссорился с Тизенгаузом.

Фольварк Гарабурдишки (с. 95).

Общая обстановка в 70-е гг. – грызня между группировками, погоня за должностями и имениями, никакого интереса о национальном государственном деле.

Как (за какую сумму) выдавали замуж сестру "бискупа", больную (с. 107).

Громадная часть – высказывания против Тизенгауза. Шляхетско-магнатские группировки, большей частью родственники, грызутся за имения и должности. Все кругом в долгах (с. 122 и др.). Везде если не верхушка Речи Посполитой, то все же знать – епископы, воеводы и др. чины. С братом грызня тоже (с. 137). Будучи в Варшаве, "уложил" проект сватовства ловчего литовского Забело с Соболевской, варшавской каштеляншей, хотя посаг в 100 тыс. злотых "не мог сделать жениха счастливым" (с. 141). Но епископ видел возможность добыть ему еще 9 тыс. злотых пенсии (с. 141). "Война" за орден голубой (с. 146). Новогрудский воевода Неселовский – твердый, хладнокровный (с. 150). Смерть родственника Якова Коссаковского выразилась в тревоге за те 50 тыс. злотых, которые дал покойнику (с. 157).

"Диариуш" Игнатия Лопатинского[12].

По своему характеру произведение Лопатинского – не дневник, а мемуары, написанные, когда автору было 42 года. Всего вероятнее, они созданы в очень короткий срок, без позднейших доделок или переделок. Сколько автор прожил после создания "диариуша" – неизвестно.

Родился Лопатинский в 1722 г. в имении своего отца Лопатине, недалеко от Мстиславля. Род Лопатинских не принадлежал к верхушке феодалов Великого княжества Литовского, однако брат ав-

---

* Суфраган – епископ без епархии *(польск.)*.

[12] Dyaryusz życia Ignacego Łopacińskiego, pisarza skarb. W[ielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego], brata rodzonego wojewody brzeskiego. Biblioteka Warszawska. 1855. T. III. S. 393–425. (Тэкст у квадратных дужках М.М.Улашчыка.)

тора был брестским воеводой, т. е. занимал виднейший пост в Великом княжестве. Рано потеряв отца, автор рос под надзором матери, а потом – старшего брата. Учиться, т. е. изучать латинский язык, Лопатинский начал в возрасте 10 лет дома, а потом был отдан в школу в Мстиславле (с. 397). Будучи школьником, в костеле присутствовал на заседании сеймика и видел побоище между враждующими группами, в результате чего двое умерли от ран, а раненых оказалось довольно много (с. 398). В дальнейшем борьба между разными группировками еще более ожесточилась, так как дело шло о выборе короля после смерти Августа II. При поддержке русского правительства (в Речь Посполитую были введены значительные русские воинские части) королем был избран сын умершего короля – Август Третий Саксонский. Противник его, Станислав Лещинский, должен был бежать в Кёнигсберг.

Лопатинские стояли за Лещинского, но сами по себе они не представляли силы и придерживались своих покровителей Сапег, хитроумные же Сапеги, не будучи уверены в успехе какой-либо из сторон, одни поддерживали Лещинского, другие – Августа. Когда борьба между соперниками еще не окончилась, Лопатинским было поручено доставить из Мстиславля в Кёнигсберг значительную сумму денег. Дело было рискованное, так как при встрече с русскими или со сторонниками Августа можно было не только потерять деньги, но и получить более основательные неприятности, тем более поездка оказалась рискованной, [потому] что дело происходило весной, во время разлива рек. Несколько раз, как Лопатинские (операцией ведал старший брат, потому что сам автор был еще мальчиком) и их челядь находились на краю гибели, но в конце концов добрались до Кёнигсберга, а там выяснилось окончательно, что у Лещинского нет никаких шансов, и он постарался уехать во Францию. Естественно, что, узнав об этом, его сторонники поторопились тоже уехать из Кёнигсберга и заявить о своей приверженности к Августу. Лопатинские же повернули в Вильно. Поездка из Кёнигсберга сначала водой, затем сухопутьем оказалась немногим лишь спокойнее, чем дорога в Пруссию (с. 400–404).

После приезда в Вильно брат определил автора в школу пиаров (в то время в Речи Посполитой монопольное право на образование иезуитов было уже утрачено). Как проходили занятия и чему он там научился, автор не сообщает, но описывает страшный пожар, а затем катастрофу, которая случилась в здании, где должен был начаться спектакль: пол в "театре" провалился и масса народа в большей или меньшей мере была покалечена (с. 411–413).

За 1740 г. Лопатинский отметил, что была необычайно жестокая зима, когда погибли птицы и вымерзли деревья (с. 416).

Наиболее яркой частью "диариуша" является описание "сражения" между Лопатинскими и их приверженцами и Корсаком. В "Пане Тадеуше" Мицкевича "наезд" имеет в общем эпический, даже юмористический характер, у Лопатинского "наезд" получил почти трагическое освещение, хотя убитых и не было.

Дело происходило в 1742 г., т. е. когда автору исполнилось 20 лет. Спор шел о государственном имении – кто должен был получить его в пользование. Обе стороны начали собирать силы. У Лопатинского собралось 52 человека. У его противника основной силой оказались "хлопы" (крестьяне). Лопатинский отмечает наличие в своем отряде "союзников", т. е. бойцов из имений, дружески расположенных к нему, не оговаривая, кто они были, но упоминает своих "слуг", т. е. челядь.

Направившись в поход, отряд Лопатинского занял по дороге крестьянский двор, где услышали, что противник собирает силы и намеревается выступить против них. Тогда партия Лопатинского укрепила тын двора, в котором засела, бревнами и стала ждать врага.

"Союзники" Лопатинского, узнав, что противник двинулся против них, разбежались. Сам Корсак и его ближайшее окружение имели огнестрельное оружие, "хлопы" же были вооружены цепами и косами. "Слуги" Лопатинского выстрелили в Корсака, но "благодаря бога, не попали". Отряд Корсака подбежал ко двору, где засела партия Лопатинского, ворвался туда и началась потасовка. Скоро среди сторонников Лопатинского оказалось несколько человек раненых, кто пулями, кто косами. Наиболее ретивый из его сторонников пытался бежать, но, сильно избитый цепами, он сдался. Сам Лопатинский вырвался на коне, но был ранен выстрелом в ногу и тоже сдался (с. 417–420). Его довезли до корчмы, а назавтра доставили в Мстиславль, где еврей-лекарь сделал операцию, так как в ноге уже началась гангрена. Пораженные участки лекарь срезал бритвой, а потом стал резать и сам больной. Нога была спасена (с. 422–423).

Описанием этой нелепой стычки "диариуш" и оканчивается. Небольшой по объему "диариуш" хорошо освещает одну из сторон жизни своего времени.

Китович[II]. Pamiętniki ks. A.Kitowicza. Wydane przez Władysława Zawadzkiego. Lwow, 1882. (T. I–III).

Т. 1. Из предисловия Завадского: Времена Ст[анислава] Августа. [Китович] – ксёндз. Речицкий пробощ. [Титулярный прелат] Волборской капитулы (с. 1).

Родился в 1728 г. Был [Барским] конфедератом (с. II). Умер в Речице в 1804 г. (Похоже, поляк.) Был человек практического склада. Понимал в лошадях и в выпивке (с. III, IV).

Наилучшее время – правление Августа III. Недоволен реформами четырехлетнего сейма (с. XVII–XIX, XII–XIII).

Записи регулярные вел с 1743 г. (с. 3). 1744 г. – эпизоотия. Началась на Украине. Затем – везде (с. 4). Всеобщая – 4 года (с. 4).

1748 г. – саранча (с. 12). Подробное описание (с. 13).

Т. 3. Юзеф Коссаковский, когда его вешали, оказался в грязном белье, так как экономил на прачке (с. 2). Перечисление кого и как казнили в Варшаве в 1794 г. (с. 1–7). Целиком материал касается Польши и лишь мельком о ВКЛ, в частности о восстании в Вильно в 1794 г. и о военных действиях в Литве и западной Белоруссии (конец книги).

Тучков С.А. Записки Сергея Александровича Тучкова, под ред[акцией] и вступительной статьей К.А. Военского. СПб., 1908, 287 с.

С конца XVII ст. о Белоруссии начали писать русские. Все они были дворянами, но образовательный ценз, имущественное положение и специальности их были разные, в связи с чем и внимание свое во время пребывания в Белоруссии они сосредоточивали на разных вопросах, хотя едва ли не обязательным было положение крестьян. Общим для всех было то, что знали они ранее о Белоруссии очень мало или совсем ничего. В этом смысле С.А.Тучков не представлял исключения.

Тучков был сыном генерала. Грамоте учился он сперва у дьячка, потом – у солдата (с. 3), в дальнейшем наставники у него числятся более квалифицированные. При получении офицерского чина (в 17 лет) он владел несколькими иностранными языками и как артиллерист основательно знал то, что полагалось знать офицеру с этой специальностью. В молодости увлекался поэзией и сам писал стихи, что, однако, было пресечено отцом. В военных событиях он выказал себя смелым и инициативным офицером.

Особенностью "Записок" Тучкова является его ярко выраженное отрицательное отношение к императорам Павлу I и Александру I, а вместе с тем он весьма критически относился к порядкам вообще, существовавшим в его время в России. Так, по мнению Тучкова, у Павла I не хватало "ни ума, ни духа, ни просвещения" (с. 117). В отношении Александра – время показало, "что он величайший в свете лицемер" (с. 130). Еще в начале царствования, – пишет Тучков об Александре, – в нем "виден был дух неограниченного самовластия, мщения, злопамятности, недоверчивости,

непостоянства в обещаниях, обманов, желания наказывать выше законов" (с. 260). Прислужники царей не лучше своих господ: "Шешковский (начальник тайной полиции при Екатерине II. – *Н.У.*) – самый хладнокровный мучитель" (с. 43). Россия же вообще "находилась под самодержавием, которое превосходит образ деспотического и тиранического правления" (с. 74). Когда Тучков находился в армии, во время войны со Швецией, был арестован Радищев, и все, связанные с этим деятелем, привлекались к ответственности. Тучков сообщал, что Радищев в своей книге "Езда из Петербурга в Москву" (очевидно, самой книги он не видел, а передавал по слухам) "писал с великой вольностью, в сильных выражениях... противу деспотизму" (с. 42).

В своей жизни Тучкову приходилось побывать в различных местностях страны: на Украине, в Финляндии, Белоруссии, Литве, на Дону, на Кавказе, и он постарался охарактеризовать каждый из этих районов, вернее, его население, причем делал это, по возможности, беспристрастно. Из всех районов Тучкову всего больше понравилась Украина (Левобережная), где он увидел (впервые и едва ли не [единственный] раз в жизни) жилье крестьян и вообще сельского люда чистым, а в то же время отметил недовольство украинцев закрепощением и введением подушной подати и вообще русских порядков (с. 16–18).

Совершенно в ином свете у него выглядят финны: избы у них топятся по-черному, освещение лучиной, все они суеверны, сами "злонравны, сердиты и не терпят русских" (с. 53).

Весной 1792 г. Тучков был направлен в Полоцк, а затем, перейдя Двину, направился в Вильно. Поскольку это было до второго раздела Речи Посполитой, то, следовательно, отряд вступил на чужую территорию. Причину этого объясняли необходимостью борьбы с конфедератами.

В Полоцке Тучков встретился с гетманом Великого княжества Литовского, а одновременно русским генералом Коссаковским, которого в начале восстания 1794 г. повстанцы в Вильно повесили. Характеристики этого деятеля Тучков не дал, как не осудил и повстанцев за казнь. От Полоцка Тучков со своей частью прибыл в Белосток (Белый Сток), где находился дворец Яблоновской, сестры короля Станислава-Августа. По мнению Тучкова, дворец этот по сравнению с дворцами в Петербурге, Петергофе, Останкине был бедным (с. 68).

Около двух лет Тучков пробыл в Вильно и Троках, Старых и Новых. Очевидно, он очень пытливо приглядывался к окружающему и старался понять новые для него условия жизни и новые, неизвестные порядки. Белосток был крайним пунктом, куда Тучков

заходил на западе, из чего следует, что в собственно Польше он не бывал. Как и другие авторы того времени, он считал Речь Посполитую чисто польским государством, в котором, однако, имелись разные провинции, чем-то отличавшиеся одна от другой, но основа всех была одинакова. Этой основой была шляхта. Шляхтой Тучков в основном и занимался. Часть дворян (шляхты) числилась очень богатой, но большинство было "совершенно бедно". Бедные дворяне зависели от богатых, "почти как русские крестьяне у своих помещиков" (с. 69). Бедное дворянство, кроме службы у богатых, занималось земледелием и часто, по неимению собственной земли, нанимало у других, или, лучше сказать, платило подать, известную под названием "чинш"..., и от того таких дворян называли и поныне называют "чиншовая шляхта" (с. 72). В некоторых случаях шляхтичи были работниками у евреев (с. 69). Эти шляхтичи были одеты в кафтаны и лапти, "но при какой-нибудь старой заржавленной сабле" (с. 72). Власть богатых была настолько велика, что они могли телесно наказывать бедных шляхтичей, а за убийство своего крестьянина платили только небольшой штраф (с. 70). Тучков делил шляхту на три разряда, в зависимости от материального положения. Высшие, т. е. самые богатые, знали французский язык, часто ездили за границу, преимущественно во Францию, и подолгу там жили. Средние, получившие какое-то образование, становились стряпчими, судьями. "Они вообще гостеприимны и любили в то время угощать своих посетителей" (с. 73). Из бедных редко кто был грамотным; они служили у богатых, а также в армии солдатами под названием "товарищи". Особенно в плохих условиях бедная шляхта жила в Белоруссии, Литве, северных провинциях Польши (с. 74). В политическом отношении поляки "расположены к республиканскому правлению" (с. 69). Очень кратко Тучков остановился на таком важном для Речи Посполитой деле, как сеймики: магнаты имели свои "партии", т. е. группы шляхты, которая выставляла своего патрона кандидатом в послы на сейм и вообще отстаивала его интересы. Магнаты кормили и поили во время сеймиков свою "партию" (с. 72).

В отношении религии, существовавшей в Польше, у Тучкова нет определенности. В начале он утверждает, что вера там была католическая, что там много монахов, но мало сельского духовенства, что числится масса святых и что "знатнейшие монастыри" были обязаны содержать школы (с. 75). Крестьяне в Белоруссии и Литве "суть греческого исповедания" (с. 80). Но в то же время о мещанах, т. е. жителях городов и местечек, а также о евреях очень кратко (у евреев "вся торговля, откупы, аренды, винокуренные и пивоваренные заводы", все ремесла) (с. 76).

Государственные имения сдаются в аренду. У помещиков право пропинации, т. е. право свободной выделки спиртного и вольной его продажи, почему (очевидно) в стране сильно развито пьянство (с. 79). Помещики "в Российской Польше" имеют право продавать своих крестьян в розницу: мужчина стоит примерно 200 руб., женщина – 100 руб. (с. 79)[13].

В заключение Тучков сообщает, что "язык, употребляемый простым народом... весьма разнится от настоящего польского, употребляемого дворянством. Он ближе подходит к русскому и не имеет такого набора латинских и немецких слов", как суплика, фатыга и пр. (с. 81). Учитывая приведенные примеры и разницу между языком польским и литовским, можно думать, что литовского Тучков "не заметил" совершенно.

Тучков находился в Вильно в качестве командующего артиллерией, когда там началось восстание (весна 1794 г.). Он подробно описывает обстановку в этом городе в начале восстания, уход из города русских войск, их возвращение после получения подкрепления и взятие Вильно (с. 82–113).

Дальнейшие его записки касаются Минска, Шклова и вообще центральной и восточной Белоруссии. Из записок во время пребывания в Минске наиболее интересны данные о татарах. В Минске, как и в ряде других населенных пунктов Белоруссии, издавна (с XV ст.) жили татары. Выясняя обстановку, Тучков пользовался материалами, касавшимися Польши (гетман Конецпольский упоминается в качестве организатора вооруженных сил татар), но вообще он изображает положение татар достаточно достоверно и белорусских. По его данным, татары "имели преимущество как поселенные войска, имели земли, не платили никаких податей, но зато служили в войске, и многие из них достигли высших военных чинов, теперь же они записаны в подушный оклад" (с. 142). У татар осталась мусульманская религия, но нет многоженства, носят они польское платье и почти совершенно забыли свой язык. Тучков предложил сформировать из татар гусарский полк, но Павел I приказал формировать не гусарский, а "по примеру чугуевских казаков". Командиром полка был назначен Тучков, но очень скоро император назначил другого (с. 143, 144).

Вскоре Тучков был назначен командиром батальона, стоявшего в Шклове, что дало возможность ему записать свои впечатления как о самом городе, так и о Зориче, владельце Шклова, которому этот город с окружающей местностью был подарен Екатериной II. По мнению Тучкова, Шклов в его время представлял собой

[13] Под "Российской Польшей", видимо, имеется в виду северная Белоруссия, отошедшая к России при первом разделе Речи Посполитой.

"изрядный городок" (с. 150). В Шклове с деревнями, к нему относящимися, числилось до 6 тысяч душ (с. 152). Прибыв в подаренный ему город, Зорич нашел собранный с населения наличными миллион рублей (с. 152).

Зорич, располагая огромными средствами, создал в Шклове кадетский корпус, куда шляхта охотно отдавала своих сыновей. В корпусе Зорича кадеты содержались лучше, чем в государственном, и "были больше образованы в общежитии". После окончания Шкловского корпуса кадеты принимались в армию офицерами с тем же чином, что и из государственного (с. 153). Кроме того, Зорич устроил в Шклове театр, и его "балеты были весьма хороши, а также музыка и пение". В Шклове же были созданы фабрики шелковая, полотняная, парусная, канатная, суконная, кожевенная. Продукция этих предприятий расходовалась в своем хозяйстве, многие же изделия раздавались в виде подарков (с. 155).

В заключение Тучков изложил свои наблюдения в обобщающем виде. Эти взгляды весьма типичны для того времени.

"Мы оставили Белоруссию, – писал Тучков. – Жители ее, а наипаче черный народ и земледельцы в нравах и обычаях своих составляют какую-то смесь русских, поляков, малороссов и литвы. Они столь же бедны и находятся в таком же невежестве, как и польские мужики. Со стороны религии разделяется народ на три части: одна исповедует греческую, другая – римскую веру, а третья признает унию, не говоря о жидах, которых там великое множество, и они во всем сходны с польскими" (с. 157).

Не быв в Польше и пожив лишь на самой окраине Литвы, Тучков не знал ни Польши, ни Литвы, но в его представлении вся западная Белоруссия была Литвой, отсюда и утверждение, что у могилевских белорусов в языке есть элементы литовские, а также и украинские. Что касается польского, то в те времена этот язык был очень распространен в Белоруссии, в особенности в западной ее части.

Севергин В.М.[11] Записки путешествия по западным провинциям Российского государства. Спб., 1802.

Выехал из Петербурга 15 февраля на Петергоф – Ямбург – Нарву – Тарту – Ригу – Кейданы – Ковно – Вильно. Очень резко отрицательно об эстонцах и хорошо о латышах (с. 28). В Кейданах делают польские брички, очень хорошие (с. 40). В Ковно – "поляки и жиды" (с. 45). В Вильно – "большинство поляки и жиды" (с. 61).

Из Вильно через Лиду – Желудок – Щучин – Скидель в Гродно (с. 62). Считал, что все это Литва. "В Каменке делают изразцы с зеленой муравою, также горшки и кружечки с бурою муравою".

Мелких таких заводов, "сказывали", много (с. 70). "Печь для обжига приготовленной посуды сделана в яме, около одной сажени глубиною и в 3/4 сажени шириною, кругловатой, под ветхой деревянной кровлею. Книзу яма несколько уже. Положенные в оную товары покрываются старыми обломками прежних работ и землею. Возле сей ямы сделана такая же простая печь, коей жар туда сообщается" (с. 70, 71). Около Скиделя много диких груш, ранее тоже слив (с. 70, 71). Земледелие и скотоводство около Гродно в лучшем состоянии, чем раньше (с. 72). Быки (у Гродно) "крупные, тучные и в изобилии" (с. 72). Масса пчел, много льна (с. 72).

Биала-Сток (с. 73). Кратко о музее в Белостоке, который должны были перевезти в Петербург (с. 73–83). Яблоновская, урожденная Сапега. Друичин, Бильск (с. 92). В Подляшье – район "Друичино" – были монахи "шизматики, базилиане и пиары". Первые имели только две бедные, деревянные церкви, да и монашествующих особ было только двое, один престарелый игумен, и другой моложе. Известно, что шизматики отличаются от унеятов тем, что сии последние повинуются Папе, а первые Патриарху цареградскому. Одеяние шизматиков подобно одеянию греко-российских монашествующих особ, и все прочее тоже подобно (с. 92, 93). Простой народ большей частью униаты, а богатые и дворяне – католики (с. 94). "Унеяты называются также базилианами" (с. 94). Пиары учат бесплатно (с. 94). Виноград и абрикосы на вольном воздухе в Семятичах (с. 112). Картофель в Гродно, как и во всей Литве (с. 115). В Гродно "водятся огурцы". Много гороху, чечевицы, шпината, щавеля, петрушки, луку. Проса нет, много ржи, пшеницы, льну, конопли. Зерна и волокна (с. 115, 116). "Садоводство имеет охотников": много диких груш, слив, яблонь, барбарису (с. 116). Журавль называется "боцион" (с. 117). Масса свиней "тучных" (с. 117). Масса зверей, среди них "вол дикий", т. е. зубр (с. 118). Сам его не видел, по описанию польских ученых (с. 118). В Немане – лососи, форель, миноги (с. 119). Угри, селява – любимая всеми (с. 119). В Гродно продают крахмал, горшки, кружки, конскую сбрую. Полотна дешевы. Деготь, железо, стекло – редки. Дорога и плоха соль (с. 120, 121). Все это Литва.

Народ от природы недеятельный и склонный к лени (с. 125). Народ неопрятный, "научается примерами лучшаго рода жизни от россиан" (с. 125). Колтун (с. 125). Хаты без труб. Ближе к Новогрудку – дубовый лес (с. 131). Новогрудок – город "изрядный" (с. 133). Далее – Кореличи – Мир – Свержень – Колосово – Койданово – Гричин (Гричик) – Минск (с. 134). Камней меньше или мало. Все – Литва. В Турце – масса холстов (с. 136). "Свержень – небольшое, весьма приятное местечко" (с. 137). В Столбцах очень хорошая

белая соль. Говорят, из Пинска (с. 137). Кейданово. В Минске – "жиды", поляки, немного русских. "Довольно хороших каменных строений, изрядный гостиный двор и книжная лавка" (с. 139). Из Минска – Шмелевичи – Жодино – Борисов – Крупки –Молявка – Толочин – Коханово – Орша (с. 140). Масса ульев, от медведей – палатки, т. е. подкур (с. 141). Разного рода ловушки на медведя, ранее – на волка (с. 141–142). Река Березина – Березовка (с. 114). Соль идет из Подолии, а Борисов – главный склад солей (с. 144). На дороге от Борисова на Лошницу автор впервые увидел лапти (с. 146). В Крупках водку настаивают на аире (с. 148). На р. Бобре – "пильная мельница"* (с. 149). В Бобре церковь "унеятская", а жители – поляки (с. 149). Река Друд, или Друец (с. 151). В Толочине прекрасные стальные ножи и вилки со стальными черенками. Говорят, их делают в Смолянах (с. 152). В Орше река Ршица (с. 138).

Вторичная поездка из Петербурга. Выехал 3 июня 1803 г. На Тосну – Чудово – Новгород. Далее – Псков – Опочку – Лыкошково. В Клястицах "унеятская церковь" (с. 84), то же и далее. Полоцк. Домов около тысячи (с. 87). Жителей – с лишком 2500 (с. 87). "Город сей имеет разных художников, как живописцев, маляров, серебряников, портных, сапожников, гончаров, кожевников и каменщиков. Около города находятся кирпичные заводы". Торгуют виноградным вином и пряностями. "Садоводства мало", а в огородах капуста, свекла, горох, бобы, морковь, огурцы, редька, мак, чеснок, лук, хрен, петрушка, селлери, пастарнак и пр. (с. 87, 88). Пробыл в Полоцке неделю, собирая сведения о городе и уезде – реки, озера, пространство, рыба (с. 88). Дикие звери. Рыба: сомы, лещи, щуки, судаки, окуни, плотва, лини, селява (с. 88, 89). Звери: лось, медведь, серна, волк, рысь, барсук, лис, заяц (с. 89). Птицы – орлы, потатуйки (с. 89). Ульи долбленые (с. 89). Из растений – бук (с. 90). Культуры, "более искусством возделываемые": шептала, сибирский гороховник, яблоня, груша, слива, вишня, терн (с. 90). Бобовник сушеный и толченый шел в пищу (с. 90).

Рожь сеют в августе, яровой хлеб – в мае–июне. Пашут сохами, боронят смыками, серпы обыкновенные (с. 90). Хлеб сушат в "сушилах", слово "озеред" ему неизвестно, а потом – в овинах, молотят цепами, веют лопатами, мелют в ручных жерновах (с. 91). Лен рвут незрелый, мочат 4–5 дней, расстилают, лежит 3–5 недель, мнут, очищают щетками и шлют в Ригу. "Из охлопьев делают толстый холст". Семя продают в Ригу, масло не делают. Конопля преимущественно для себя (с. 91, 92). "Многие болота через обсушивание рвами превращают в пашни и сенокосы, на коих сено бывает хорошее" (с. 92). Торф. Около Полоцка – розовый кварц

* лесопильня.

(с. 92), также яшма, серпентин, бурый железняк, охра (с. 93). Известняк (с. 94). Около Полоцка – серный источник (с. 94). Ни о каком другом месте, как о Полоцке. Далее Сенно. "Народ, как и в предыдущих странах, – неопрятной" (с. 97). Куриловщизна. Везде так. В Бешенковичах большая ярмарка (с. 98). Сенно. Дома деревянные ветхие. Христиан 380, евреев 480 (с. 99). Домов около 600 (на 860 жителей?) (с. 99). Хотя хлеб родит изрядно, жители больше заняты льном (с. 99). Две четверти овса стоит 1 р. 30 коп. (с. 100). "Народ бедной, худой" (с. 100). Серный колодец (с. 100). В Обольцах церковь "унеятская" (с. 101). Дороги обсажены березами (аллея). Толочино – "изрядное местечко". У Толочина (Староселье) в поле мак (с. 103).

В Шклове гостиный двор каменный на 120 лавок (с. 103). Домов 1009 (с. 103). Две ярмарки (с. 104). Евреев всех больше (с. 104).

Могилев. Легенда о князе Льве в польских летописях. Основан в 1320 г. "По Ульяне, княжне Витебской", (принадлежал Литве) (с. 105–106). Епархиальный Спасский монастырь. Духовная семинария, в ней 400 студентов (с. 106). В школе при иезуитском монастыре 103 ученика. Российское главное народное училище, в нем 109 учеников (с. 107). Купцов христиан 117, евреев 68, мещан христиан 2816, евреев 3602, ремесленников 1234 = 7837 (с. 108). Домов жилых 1940, прочих зданий – 138 (с. 108). Из евреев нет мастеров: слесарей, кузнецов, кожевников, столяров, плотников, горшечников, медников, седельников. Из христиан нет шмухлеров и жестянщиков (с. 109). Торгуют – Рига, Франкфурт, Бреславль, Кёнигсберг, Лейпциг, русские столицы (с. 109). Ремесленники выделывают до 70 000 кож в год (с. 109). "Жители здешние, как и во всей Белоруссии, благовоспитанные, говорят чистым польским языком, а простой народ польским языком испорченным. Российским языком говорят только природные россияне; прочие же мало его знают" (с. 110). "Богатые и дворяне суть большею частию католического исповедания, а простой народ – унеяты" (с. 110). "Простой народ и крестьяне большею частию весьма бедны, грубы и неопрятны" (с. 110). В трех верстах от города – "увеселительное место" Пиленберг, ранее Пасека, потом купца Яншина (с. 111). Живопись, статуи, вазы (с. 111). Полыковичи (с. 112). "Садоводством в Могилеве многие занимаются с успехом, ибо и почва здешняя лучше" (с. 114). В садах яблоки, дули, много вишен. Арбузы, "или по-здешнему кавуны", дыни и пр. Сотня вишен – 4 коп., а ведро – 30 коп. Копа огурцов – 8–10 коп., фунт говядины – 6 коп. (с. 115).

Чаусы. Жителей 1187 (с. 116). Лавок 12 (с. 116).

Чериков. Домов 410, лавок 21, жителей: мещан христиан – 75, евреев – 1576, мастеров – 114 (с. 118).

Мстиславль. [Река] Вехра. При иезуитском монастыре школа, в ней 113 учеников (с. 123). В малом народном училище 86 учеников (с. 123). Домов 500. Жителей: мещан христиан – 887, евреев – 1957 (с. 124). Лесов около Мстиславля мало (с. 126). "Везде, кроме льна, много конопли" (с. 127). Местечко Горы.

Витебск. При Успенском соборе – главное народное училище, в нем 111 учеников (с. 135). Домов 2000 (с. 135), жителей около 15000 (с. 135). Садов мало (с. 135). Несравним с Полоцком.

Почти все жители Велижа унеяты (с. 137).

Учеников нашел в Новгородской губ. – 420, Псковской – 349, в Витебской – 678, Могилевской – 732; всего – 2179 (с. 162).

Ломачевский А. Записки жандарма. Воспоминания с 1837 по 1843 г. "Вестник Европы", 1872. Т. 34. С. 242–288, 723–757; Т. 35. С. 296–326.

В т. 34 автор рассказывает о своем назначении начальником жандармского управления в Минск, характеризует верхушку как светскую, так и духовную, заправлявшую делами главным образом в Минской губ., вместе с тем, поскольку Минская губ. составляла часть жандармского округа, касается обстановки в Вильно.

Вообще, "Записки" написаны в первую очередь для самопрославления. Все, что Ломачевский ни делал, все это показывает его предельную честность и добросовестность, а вместе с тем и прозорливость, умение добираться до сути дела, разоблачать недобросовестных работников, в том числе и жандармов.

Одно из самых жутких мест в " воспоминаниях" – рассказ о том, как помещица Стоцкая, приревновав свою молоденькую горничную к повару (своему любовнику), приказала засечь ее розгами в своем присутствии, а затем разрубить тело на куски. В передаче Ломачевского это звучит так, что ему пришлось проявить большую ловкость, чтобы узнать об этом, хотя как начальник жандармского управления он должен был знать обстоятельства дела, может быть, раньше тех, кто ему об этом рассказал.

В период пребывания Ломачевского в Минске, была ликвидирована церковная уния, т. е. униаты были обращены в православие. К положению об униатах Ломачевский обращается несколько раз, заодно характеризуя главных деятелей этого дела. Отмечая, что в Белоруссии православная вера числилась "хлопской", а католическая – "панской", т. е. что католической религии придерживались паны, шляхта, в большой мере мещане, тогда как крестьяне-"хлопы" были униатами или православными, Ломачевский пишет: "Всякий, кто только в состоянии был заменить лапти сапогами, стыдился уже принадлежать к хлопской вере" (т. 34, с. 248). Далее

он утверждает, что уничтожение унии бесспорно составляет одно из самых знаменательных событий в истории минувшего царствования, т. е. правления Николая I (с. 251). Заявление это, можно сказать, весьма странное, так как в правление Николая I произошло восстание в Польше, Литве и Белоруссии, была подавлена венгерская революция и, наконец, происходила Крымская война. Ставить хотя бы одно из этих событий в один ряд с ликвидацией унии, значит, оценивать обстановку в стране чрезвычайно примитивно. "Замечательным" считает Ломачевский и то, что после поездки министра народного просвещения Протасова в 1828 г. в Белоруссию в духовных учебных заведениях было отделено обучение униатов от католиков, католическая Духовная академия из Вильно переведена в Петербург, а в Жировицах учреждена Униатская семинария (с. 249). Естественно, что главный деятель "воссоединения" – митрополит И.Семашко назван гениальным архипастырем (с. 249). (Герцен назвал его "во иуде предателем".)

Вторая половина "воспоминаний" почти целиком посвящена распутыванию громкого в то время дела. Началось с того, что 1 мая 1840 г. в Юрбурге были задержаны два студента и один гимназист, из Вильно намеревавшиеся бежать за границу, причем у одного из студентов была найдена поэма "в высшей степени преступного содержания против государя и особ августейшего семейства" (т. 34, с. 281).

Вести следствие по этому делу было поручено чиновнику губернского правления Анисимову и присланному специально из Петербурга Покровскому, кроме того, в нем участвовал ряд жандармов разного звания из Вильно. Следователям показалось, что осудить троих молодых людей, в чем бы они не обвинялись, это слишком мелкое дело, и они постарались раздуть его, намереваясь "доказать", что существовал обширный заговор. Общая обстановка благоприятствовала такой попытке. В феврале 1839 г. в Вильно был казнен Шимон Конарский, эмиссар польских эмигрантов, тайно вернувшийся в Россию и успевший создать сеть подпольных групп. В числе тех, кто оказался его сторонниками, числились и русские офицеры. Члены комиссии посчитали, что все это способствует созданию большого "заговора", и в этом направлении и повели все дело.

При обысках на квартирах у арестованных в Юрбурге были найдены письма от лиц, живших в разных местах России. Адресатов тоже арестовали, но у них оказались письма еще от кого-то; взяли и тех. Однако, следователям нужны были не вообще люди, а заговор, в этом направлении и пошло следствие. Главным действующим лицом был Анисимов, который, не стесняясь средствами

(заковывал в кандалы, бил, рассказывал арестованным небылицы, ссылаясь на несуществующие показания), заставил двоих из арестованных дать показания, что во время казни Конарского в Вильно находился еще один эмиссар эмиграции – Залесский; в конце концов, был получен даже и список участников заговора. Это уже было серьезно.

К моменту ареста в Юрбурге в Вильно приехал новый генерал-губернатор – Миркович, которого легко убедили в наличии заговора. Однако в Петербурге присылаемые туда материалы следствия (частично они поступали к императору) не удовлетворяли, и тогда председателем комиссии по разбору дела был назначен Владимир Иванович Назимов, будущий виленский генерал-губернатор. Назимов настоял на включении в комиссию Ломачевского.

При первом посещении допроса, который вели Анисимов и Покровский, допрашиваемый студент Рокицкий, закованный в кандалы, пожаловался, что Анисимов, ухватив его за волосы, бил головой о стену, всячески ругал и, наконец, плюнул в лицо. При разговоре с Ломачевским оба следователя нисколько не отрицали этого, считая, что иначе и нельзя (Рокицкий отрицал наличие заговора). Это была позиция не только двух названных, но и жандармских офицеров, один из которых заявил, что "лучше обвинить невинного, потому что они все здесь (т. е. поляки. – *Н.У.*) виноваты, ракалии"* (т. 34, с. 750). Когда выяснилось, каким образом Анисимов получал нужные ему "данные", тот пал на колени перед Назимовым и сказал, что он делал все "не из чувства мести..., но единственно из усердия к престолу, будучи убежден, что бесчисленные и нескончаемые козни поляков угрожают опасности (!) России и ее монарху" (т. 35, с. 305).

Изучая материалы дела и находя в них разного рода несуразности, а также и исправления дат, Ломачевский пришел к выводу, что никакого заговора не было, в чем также убедил Назимова. Следователи не готовили прямо текстов, которые арестованные должны были подписать или переписать (чтобы показать, что показания писали собственноручно), но из вопросов, поставленных им, и общего тона допросов арестованные догадывались, что требовалось следствию, и в таком духе и давали показания. Один из них оказался таким догадливым, что составил даже список членов заговора. Он передал этот список следователю, но тот, чтобы придать веса делу, написал, что список был зашит в воротник шинели арестованного, где его и обнаружили.

Несогласия между генерал-губернатором Мирковичем (он поддерживал версию, что заговор был) и Назимовым закончились тем,

---

* негодяи, бестии.

что был назначен новый председатель комиссии – Кавелин. Наконец, дело закончилось, реальное было отделено от фантастики. Пытавшихся бежать осудили (очень строго), арестованных по оговору освободили, создатели заговора отстранены от работы, а главнейшие – высланы в отдаленные места (т. 35, с. 325).

Хотя Ломачевский писал свои "Записки" главным образом для самовосхваления, однако, описав поведение Стоцкой, а затем намерения создать заговор (все, кто вел следствие по этому делу, намеревались получить солидные вознаграждения едва ли не за спасение отечества), раскрывает жуткую обстановку кануна отмены крепостного права, атмосферу безответственности администрации. Двое других авторов мемуаров, касающихся обстановки в Вильно в 60-е гг. (Никотин и Мосолов), стремились представить органы власти в самом лучшем виде. В этом отношении записки Ломачевского являются редким исключением, так как написаны в несколько более поздней эпохе, записи И.А.Никотина и Мосолова содержат только восторженные дифирамбы властям.

Никотин [И.А.][н]. Из записок. Спб., 1905.

В Вильно. Из примечаний (с. 3). Никотин с 1851 – чиновник особых поручений в Вильно у губернатора, с. 12.VI.56 г. – тот же чин у генерал-губернатора (с. 3). Вскоре по приезде Назимова принес ему 6 томов своих трудов по историко-статистическому описанию Виленской губернии (с. 6). Все в беллетризованной форме.

Всей работы 380 стр. "убористого письма" (с. 6). Это один том. Остальные, видимо, того же объема. 18. VII. 56 г. "исполнилось мое пламенное желание" – стал чиновником особых поручений при генерал-губернаторе (с. 11).

Крестьяне с 1861 г. ждали большего, – "как ни велико было их разочарование, но не было ни одного примера неповиновения помещичьей власти" (с. 14). Приезд в Вильно императора. Адрес. Ходзьки (с. 28, 29).

Мосолов [А.Н.]. Виленские очерки 1863–1865 гг. (из воспоминаний очевидца). Русская старина, 1883, окт., с. 181–200; ноябрь, с. 391–406; декабрь, с. 573–628.

В журнале нет подписи и вообще не указано, кто их написал. Нет в тексте, нет и в оглавлении. Автор сообщает, что очерки написаны им по горячим следам, в 1866 г., а последние события описаны за 1865 г. (с. 181). "Состоя при генерал-губернаторе, я принимал более или менее участие во всех почти делах управления, а потому и записки эти носят на себе отпечаток времени и представля-

ют последовательные очерки двухлетнего управления графа Муравьева Сев[еро]-Зап[адным] краем" (с. 181) (с 1 мая 1863 по май 1865 г.).

В начальной части автор дает общий обзор обстановки в Сев[еро]-Зап[адном] крае, упоминает о прошении дворян Подольской и Минской губерний присоединить их губернии к Польше (с. 183). Неубедительность этого требования, по Мосолову, заключается в том, что в Минской губернии проживало 740 тыс. православных и 168 тыс. католиков (с. 183). Отсюда и прославление унии, иначе бы православные были бы в меньшинстве.

Дается характеристика лиц, близких к Муравьеву в виленский период, первый расстрел, утвержденный Муравьевым (Плятер) (с. 189). В общей форме – о битвах в Литве ("Молодецкое дело") – битва гвард[ейского] Финляндского полка с повстанцами (с. 190). Очень кратко – о действиях отрядов Сераковского, Колышки, Мацкевича (с. 190). Митрополит Семашко, епископ Красинский (с. 192). При характеристике противников не впадает в шарж. Очень одобряет старообрядцев Витеб[ской] губ. (с. 194). Описан расстрел Ипоры и других на Лукишках (с. 196). Очень высоко оценил поведение перед казнью Колышки и вместе отметил растерянность Сераковского (с. 197). Проводы жителями высылаемого епископа Красинского. Против них мер не принималось (с. 199).

Метод работы Муравьева и его аппарата (с. 391–392). "Адрес" виленских дворян (с. 393–394). Домейко. Разного рода торжества (фейерверки, пиры) (с. 394–396). Попытка убийства Домейко. Поимка убийцы, казнь (с. 397–398). Разного рода административные перемены в крае, назначения (с. 573–578). Арест и казнь Мацкевича. Начало работ по "обрусению" края (с. 595–597). Краткие сообщения о сожжении целых "околиц" в Гродненской губ., вместе с тем не смакует свирепости победителей (с. 600). Замена неугодных Муравьеву католических высших деятелей угодными.

Характеристика виднейших деятелей восстания в Вильно (Зданович, Далевский), отмечал их стойкость и неустрашимость. Очень высоко оценивает Калиновского (с. 604–605). Малаховский, который сумел бежать, Свенторжецкий (с. 605). Относительно подробно описана командировка в Минск полк[овника] Лосева, его деятельность там и обстановка в этой губернии. Очень туманно, как был получен адрес и фамилия (Витоженец) Калиновского. Кто выдал – не сообщает (с. 606–607). (Парфианович.) Как был арестован. "Несмотря на все усилия членов комиссии, им не удалось исторгнуть от Калиновского подробного показания о личностях, составляющих революционную организацию края. Он, однако, откровенно сознался, что был распорядителем жонда во всем крае, и, как видно из показаний других лиц, он умел поддержать падаю-

щий революционный дух польского населения. Помещики его страшились, он свободно разъезжал между ними, воодушевлял нерешительных и запугивал слабых. Калиновский был лет 26, крепкого сложения и с лицом жестким и выразительным; короткие русые волосы были зачесаны назад; таким я видел его в тюрьме за несколько дней до казни" (с. 608).

"Было ясное холодное утро; Калиновский шел на казнь смело; придя на площадь, он встал прямо лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу". Когда назвали дворянином, крикнул: "У нас нет дворян!" (с. 608).

О "Мужицкой правде", о крестьянском вопросе – ничего. Калиновский – это деятель польского национального движения. Мосолов едва ли и понял программу и характер деятельности этого героя.

После Муравьева начальник штаба корпуса жандармов – Потапов.

"Воспоминания" Эдварда Войниловича[14]

На краю площади Ленина в Минске находится изящное здание, построенное в романском стиле. Это костел, который раньше назывался у минчан Новым или Красным, сейчас это Дом кино*

"Добрые люди" много раз пытались получить разрешение на уничтожение этого памятника, но наконец отступились.

Костел построен в 1905–1906 гг. на средства богатого помещика Эдварда Войниловича, владельца имения Савичи, расположенного недалеко от Слуцка. Войнилович – фигура очень интересная: он был заместителем, а затем председателем Минского общества сельского хозяйства (единственной организации такого рода, разрешенной царским правительством в Белоруссии), членом Государственного совета, депутатом Государственной думы от Минской губернии, он же в конце 1920 года стал кандидатом в президенты Западнобелорусской автономии в пределах Польши. (Да, да. Было и такое).

В возрасте свыше 70 лет Войнилович написал "Воспоминания", которые вскоре после его смерти, в 1931 г., издал Януш Ивашкевич, специалист по истории Белоруссии и Литвы XIX–XX стст. Рукопись оказалась настолько объемистой, что ее разделили на две части; к сожалению, вторая часть до сего времени не увидела света. Кроме "Воспоминаний" Войниловича Ивашкевич издал еще ме-

---

[14] Woyniłłowicz Edward. Wspomnienia. 1847–1928. Część pierwsza. Wilno, 1931, XXIV + 365 c.

* У 1990 г. будынак вернуты рымска-каталіцкай канфесіі.

муары и дневники разных авторов, уроженцев Белоруссии или Литвы.

В данном случае пытаюсь ознакомить читателей с первой частью работы Войниловича.

В белорусской историографии мемуары почти не используются, говоря точнее, они используются лишь в исследованиях, посвященных отечественной войне. Значит ли это, что за более ранний период этот вид источников отсутствует или же, что если мемуары и есть, то они не представляют интереса?

Со всей определенностью можно сказать, что они есть и что данные, содержащиеся в мемуарах, часто отсутствуют в остальных видах источников. Почему же они в таком случае не используются? Можно думать, что важнейшей причиной является отсутствие работ, в которых было бы обращено внимание как на наличие мемуаров, так и на их ценность. Поэтому задачей данной статьи и является показ на примере "Воспоминаний" одного автора важности и значимости этого вида источников.

В силу исторически сложившихся условий мемуары на белорусском материале написаны почти все на польском языке, а авторы их являются шляхтичами. (Сам Войнилович выражения "шляхтич" почти не употреблял, а пользовался термином "земяне", понимая под этим термином помещиков. В свое время – в XVII–XVIII столетиях — понятия "шляхтич" и "земянин", в особенности в западной Белоруссии, были идентичными, но потом "шляхтич" "одолел" "земянина", и последний термин в сущности вышел из употребления.) Под "шляхтой" же Войнилович понимал тех, кто, принадлежа к шляхетскому сословию, лично занимался обработкой земли. К такой шляхте автор "Воспоминаний" относился с нескрываемым пренебрежением. В других случаях Войнилович под шляхтой понимал тот класс, который по-русски называется дворянством.

"Воспоминания" Войниловича охватывают период с 1847 по 1921 год. Автор их был неизменным руководителем политических и экономических организаций, созданных в конце XIX – начале XX столетия польскими помещиками в Белоруссии; написаны они живо и эмоционально.

Наиболее существенны в работе главы VIII–XI (с. 196–332), написанные с использованием документов, предыдущие же 195 страниц основаны на воспоминаниях. Наиболее ценной является часть вторая, в которой изложены события, происходившие с начала революции и до 1921 года, но содержательна и предыдущая. Человек большой энергии и инициативы, Войнилович был первой фигурой среди католического и полонизированного белорусского дворянства конца XIX – начала XX столетия, участвуя в качестве пер-

вого лица во всех общественных и хозяйственных делах в губернии. В качестве члена Государственного совета и Государственной думы он встречался с наиболее видными политическими деятелями страны того времени, включая императора и императрицу. Знакомый со Столыпиным еще в то время, когда тот был предводителем дворянства Ковенской губернии, а затем гродненским губернатором, Войнилович встретился с ним в Петербурге, когда Столыпин стал главой правительства и предложил Войниловичу пост вице-министра земледелия. Далее упоминаются встречи с Витте, Плеве, не говоря о том, что вся верхушка титулованной и нетитулованной знати Белоруссии, Литвы и Украины была ему знакома.

Однако достаточно большой интерес представляют и записи на такие, гораздо более скромные темы, как состояние Слуцка в то время, когда автор проходил там гимназический курс, как деятельность Минского общества сельского хозяйства, где Войнилович был сперва заместителем, а потом председателем, важны данные о развитии страхового дела в Белоруссии; длительное время Войнилович был опекуном малолетних Радзивиллов (после смерти князя Антона) и поэтому хорошо знал имущественное положение и вообще обстановку в этой семье не только во время опекунства, но и в прошлом.

Все, что ни писал Войнилович, касается только "земян", при том тех, кто был познатнее, очень редко упоминается "застенковая" шляхта, т. е. та, которая лично занималась обработкой земли, о наличии городских ремесленников можно узнать лишь тогда, когда перечислялся состав Совета в 1917 г., о крестьянах мельком – как о "темной массе" и ни разу о рабочих.

Войнилович начал писать свои "Воспоминания" в 1917 г. (с. XXII). В феврале 1918 г. его имение Савичи разгромили, и семейный архив, в котором были собраны документы почти за 300 лет, погиб. В некоторых случаях события, происходившие в Минске или в имении Войниловича, базируются на известиях, полученных через разных лиц, находившихся в этих местах, тогда как сам автор был в Варшаве. Подобные известия имеют более или менее фантастический характер. К таким, например, относится описание вступления в конце 1918 г. в Минск частей Красной Армии (с. 224). (Войнилович знает даже и в 1921 г. только Красную гвардию.) Фантастичны некоторые известия, почерпнутые из польской печати 1920 г. (Минск занят "казаками генерала Балаховича") (с. 297). Впрочем, сам автор, записав в свой дневник некоторые из подобных сообщений, отмечал дальше их фантастичность.

В "Воспоминаниях" почти полностью отсутствует бытовая сторона его жизни, очень немного сказано и о личной жизни автора

(всего больше в первой главе, посвященной детству и юношеству). Главное внимание в главах, относящихся до 1917 года, уделено созданию и деятельности Минского общества сельского хозяйства, участию в его работе крупнейших помещиков Минской губернии.

Внимание автора "Воспоминаний" за 1904–1914 гг. сосредоточено главным образом на обстановке в Петербурге, поскольку он в 1905 году стал членом Государственного совета, а затем депутатом Государственной думы. Им подробно описано открытие первой думы. Эти разделы, однако, не представляют особого интереса, поскольку о подобном имеется более подробная информация в других источниках.

Редактор дал к работе Войниловича предисловие, в котором кратко изложил биографию автора "Воспоминаний", сделал ряд примечаний и в конце книги поместил несколько документов, в том числе декларацию от 29 апреля 1921 г. о прекращении деятельности Совета Минского общества сельского хозяйства, очерк о возникновении польского Национального совета в Белоруссии (май 1917 г.), обращение Национального польского совета белорусских земель к польскому сейму относительно кооптирования в состав сейма представителей "кресов" (в конце обращения приложен и список кандидатов в сейм, предлагаемый Советом). Документ этот не датирован, но принят он был в конце 1918 или в начале 1919 г., поскольку декрет о созыве сейма был издан 28 ноября 1918 г., мемориал, написанный Эдвардом Войниловичем, о положении православного духовенства Белоруссии, протокол заседания Совета Минского общества сельского хозяйства от 20 октября 1925 г. (т. е. давно распущенной организации) относительно принесения в дар государству Тугановичей (имения, в котором в свое время бывал Адам Мицкевич: имение это расположено в бывшей Минской губернии).

В предисловии Ивашкевич сделал упор на заслуги Войниловича в деле создания Минского общества сельского хозяйства. Собственно Ивашкевич восхвалял Войниловича не столько за создание самого Общества, сколько за то, что эта организация под руководством своего председателя стала польской по характеру своей деятельности. "Минское общество сельского хозяйства, – пишет Ивашкевич, которое должно было служить целям русификации края, стало чисто польской организацией, объединяющей в своем составе несколько сот помещиков-поляков из забранных губерний (понимаются губернии, бывшие ранее в составе Речи Посполитой. – *Н.У.*) (с.Х.) "Собрания Общества, – продолжает Ивашкевич, – которые происходили четыре раза в год, привлекали в Минск массу землевладельцев, которые придавали городу исключительно поль-

ский характер. Везде был слышен польский язык, в магазинах и на улицах полно было загорелых дворянских лиц. Были слышны чаще всего разнообразные оттенки кресовых говоров" (с. XI). Здесь редактор сильно хватил через край. В начале XX ст. Минск был многоязычным городом (население его говорило по крайней мере на четырех языках – белорусском, русском, еврейском и польском), польский язык был слышен не только во время съездов Общества, но реже, чем другие. Прибытие в город с населением в 100 тыс. человек нескольких сотен человек, говоривших по-польски, не могло изменить общего характера говора города.

Очевидно, учитывая бедность сообщений в "Воспоминаниях" относительно крестьян, Ивашкевич нашел нужным обратить внимание читателей на эту сторону дела. Впрочем, и редактор сказал об этом предельно скупо, ограничиваясь общими фразами. "Отношение Войниловича, – пишет редактор, – к крестьянам было насквозь патриархальным, отцовским. Он смотрел на них как на соседей, опекал, помогал, входил в их нужды, интересовался их жизнью, любил с ними разговаривать" (с. XV), вместе с тем Ивашкевич умалчивает, что Войнилович был крайним противником каких-либо перемен в аграрном строе, вернее противником передачи малейшей части помещичьей земли крестьянам.

Подчеркивая "крестьянскую" сторону деятельности Войниловича, Ивашкевич обошел молчанием некоторые другие, притом весьма существенные вопросы. Так, Войнилович неоднократно в своих мемуарах высказывал недовольство политикой польских помещиков (помещиков собственно Польши "конгрессовой", т. е. входившей в состав России), игнорировавших интересы помещиков белорусских, "кресовых" и вообще относившихся к ним свысока. Умолчал Ивашкевич и о том, что Войнилович пытался как-то связаться с белорусскими националистами и после создания Польского государства требовал для белорусских земель автономии, явно намереваясь возглавить автономное белорусское правительство. Предисловие, конечно, не может изменить характер самих мемуаров, однако оно показывает, на что редактор хотел обратить внимание читателя, а что затушевать.

Войнилович был владельцем 1500 десятин земли в Слуцком уезде Минской губернии (почвы этого уезда числились лучшими во всей Белоруссии). Следовательно, он относился к помещикам среднего достатка, однако как в мемуарах, так и во всей деятельности вообще он был выразителем настроений и интересов помещиков, крупных "земян".

В своих "Воспоминаниях" Войнилович называет десятки фамилий, но если это фамилии жителей Белоруссии, то это графы

Чапские, Горваты, Оскерки, Свиды, Кеневичи, графы Тышкевичи, но всего больше уделено внимания Радзивиллам. Всячески подчеркивая, что он поляк, и отмечая свои заслуги в деле развития польской культуры в Белоруссии, Войнилович полностью игнорирует мелкую шляхту, несмотря на то что именно она была массовой базой польского влияния в Белоруссии. Редкие упоминания о ней имеют иронический характер. Что касается белорусских крестьян, то о них упоминается крайне редко, притом как о темной массе. Войниловичу, кажется, никогда не приходило в голову, что к работе руководимого им Общества сельского хозяйства следует привлечь и крестьян.

Вместе с тем Войнилович не был чем-то вроде иностранца в Белоруссии, ничем не связанного с коренным населением, чуждым ему по языку, и не знающим его быта. Сам Войнилович писал, что он "владел белорусским языком так же хорошо, как и польским, постоянно употреблял его в сношениях с работниками в своем хозяйстве и в течение десятков лет был в постоянном контакте со всеми проявлениями белорусского движения". Он был также знаком со всеми белорусскими изданиями, правда, крайне немногочисленными перед революцией (с. 210, 211). Все это привело к тому, что поляки из Польши склонны были считать его скорее белорусом, чем поляком, что Войнилович, однако, отрицал (с. 211). Действительно, его "белорусизм" заходил не очень далеко, и если, например, другой помещик Минской губернии – Роман Скирмунт – стал членом белорусской Рады, то у Войниловича, очевидно, об этом не возникало даже и мысли.

Войнилович подчеркнул, что его пробелорусские настроения не были чем-то исключительным. "Значительная часть польских землевладельцев (в Белоруссии), – писал он, – охватывающей часть губернии Виленской, большинство Гродненской, всю Минскую, Могилевскую и Витебскую, представляют собой автохтонов, шляхту местного происхождения, когда-то православную, но вообще уже в XVII в. католическую и полонизованную. Эта шляхта чувствовала свое кровное единство с местным народом, притом же знала его язык, обычаи, нисколько не стремилась к его полонизации и сочувствовала проявившемуся уже во второй половине XIX в. национальному движению, правда, очень слабому, но существенному, первыми пионерами которого были польские помещики как Чечот, Зан, Сырокомля, Дунин-Марцинкевич и много других" (с. 210). Как известно, первые трое из названных были безземельными и называть их землевладельцами нет оснований.

Вообще из "Воспоминаний" Войниловича отчетливо видно, что в его время существовали поляки, если можно так выразиться,

"настоящие", т. е. уроженцы Польши, и другие, хотя тоже называвшие и считавшие себя поляками, но как бы второго сорта – это уроженцы "кресов", на которых "настоящие" смотрели сверху вниз, не учитывали интересов "кресовых" помещиков и смотрели на Белоруссию как своего рода колонию, в которой "конгрессовые" должны командовать по своему усмотрению. Укоряя "настоящих" поляков в неблагодарности, Войнилович несколько раз напоминал им, что краса польского народа, крупнейшие деятели литературы и политики вышли главным образом из Белоруссии. В наиболее полном списке упоминаются такие политические деятели, как Костюшко и Рейтан, писатели Мицкевич, Словацкий, Сырокомля, Одинец, историк Корзон, юрист Спасович, художник Семирадский (с. 225). За исключением Словацкого, родившегося на Украине, все остальные были уроженцами Белоруссии. Отмечено им и то, что виднейшие герои трилогии Сенкевича были тоже уроженцами Белоруссии, а отдаленный предок самого автора "Воспоминаний" – Войнилович во время "бунта Хмельницкого" командовал хоругвью в армии князя Иеремия Вишневецкого.

Конечно, в нашем представлении участие в погромах, учинявшихся войсками И.Вишневецкого, не может вызвать восхищения, но в польских шляхетских кругах, для которых трилогия Сенкевича значила чуть ли не больше, чем Евангелие, а ее герои достойны прямо-таки божеского почитания, упоминание Войниловича должно было произвести достаточно сильное впечатление.

В "Воспоминаниях" Войнилович изложил (весьма, впрочем, кратко) свою биографию с начального этапа, т. е. с появления на свет. Родился он в имении своего деда по матери Ваньковича – Слепянке – около Минска (сейчас это район ботанического сада в Минске). Детство и отчасти юность его прошли в условиях сложившегося помещичьего быта в имении отца – Савичах. Домашним языком был польский, вторым – белорусский. Бонны научили мальчика французскому и немецкому, а когда пришло время поступать в гимназию, его научили и русскому. Гимназический курс Войнилович прошел в Слуцке, где находилась старейшая в Белоруссии средняя школа (существует с 1617 г.). Во время восстания 1863 г. мать наказала ему идти в повстанческий отряд (с. 18). Случайность удержала его, и поэтому имение Войниловичей не было конфисковано. После гимназии Войнилович окончил Петербургский технологический институт, студенчество которого было сильно затронуто революционным движением, но Войниловича это никак не коснулось. После окончания института он уехал за границу и работал в Германии рабочим на заводе, а затем в Бельгии помощником машиниста. Возвращаясь домой, остановился на год

в Силезии, где работал в Агрономическом институте, так как ему предстояли занятия по хозяйству в своем имении. В промежутке между Бельгией и Силезией он был во Франции и посещал Сорбонну. Таким образом, Войнилович к 25 годам получил весьма солидное образование, общее и специальное.

В 1874 г. после смерти отца он становится владельцем имения. Очевидно, это имение давало очень хороший доход, так как к 1905 г. Войнилович не только погасил те обязательства, которые лежали на имении, но и выложил почти 300 тыс. рублей на постройку в Минске костела в память своих умерших детей (с. XIII); костел этот официально именовался Симеона и Елены. Можно думать, что создатель костела потратил на его постройку далеко не все, что у него было, но если и все, то накопить за 30 лет 300 тысяч, да еще учитывая, что был уплачен весь долг, то окажется, что Савичи давали очень высокий доход.

Еще с конца XIX ст. Минск усиленно добивался у правительства разрешения открыть университет или хотя бы какое иное высшее учебное заведение, обещая построить здание и вообще взять большую часть расходов в этом деле на себя. В Минске имелись две публичные библиотеки, ютившиеся в небольших помещениях, и небольшой церковно-археологический музей. Располагая крупными средствами и желая их употребить на общественные нужды, Войнилович тем не менее не отдал свои деньги на постройку здания университета, хотя бы и будущего, или для существующей библиотеки, но поступил так, как поступали шляхтичи или магнаты в XVII или XVIII стст., т. е. построил костел. Следует ли из этого, что Войнилович не понимал значения университета или библиотеки? Нет, он понимал прекрасно, но костел должен был служить делу укрепления польско-католического влияния, тогда как университет, библиотека или другое какое культурно-просветительное учреждение могло произвести обратное воздействие.

Не надумался он построить и школу в своих владениях для крестьянских детей. "Отеческие заботы" о крестьянах шли по какому-то другому руслу.

В 1876 г. по инициативе министра внутренних дел Л.С.Макова (владельца имения в Минской губернии) в Минске было создано Общество сельского хозяйства, председателем которого избрали губернатора – князя Трубецкого, а его заместителем – Э.Войниловича. Спустя 12 лет, в 1888 г. Войнилович становится председателем Общества и остается им до 1921 г. В начале XX в. Войнилович – участник Минского комитета об улучшении сельскохозяйственной промышленности, в 1904 г. он – член Государственного совета, а затем депутат первой Думы.

Вскоре после февральской революции помещики Минской губернии начали создавать польские национальные организации для защиты своих интересов, прежде всего для того, чтобы сохранить в неприкосновенности все свои земли: надо полагать, что руководящая роль в этом деле принадлежала Обществу. Организации эти с самого начала должны были стать в определенную позицию к "конгрессовым", которые находились в Польше и которые готовы были сделать какие-то уступки крестьянам. Очевидно, даже среди своих единомышленников Войнилович был наиболее правым, так как даже после 1917 года он, обращаясь к условиям освобождения крестьян в 1861 году, находил их "неправильными": "правильным" же, судя по всему, было освобождение безземельное[15]. Всякий, кто высказывался за принудительное отчуждение хотя бы за плату какой-либо части помещичьей земли, вызывал у автора "Воспоминаний" раздражение.

Создавшиеся в 1917 году в Минске и других городах Белоруссии помещичьи "союзы" имели целью захватить в свои руки власть в крае, что неизбежно вело к сепаратистским тенденциям, выливавшимся в требование предоставления польскими властями (когда была создана Польша) краевой автономии, а в то же время это вело к тому, что белорусские помещики пытались завязать контакты с белорусскими националистами. Контакты эти были очень незначительны, так как белорусов, согласных на совместную работу с помещиками, оказалось очень мало (в ряде мест Войнилович упоминает Дубейковского, Ладнова и некоторых других).

Во время немецкой оккупации (февраль–декабрь 1918 года) произошли два собрания минских помещиков. На первом из них был принят меморандум, обращенный к немецким властям, в котором было сказано, что помещики благодарят оккупантов за то, что те установили в стране порядок, а также выразили свое желание отделиться от России и жить совместно с "народами запада", опираясь на сильное немецкое государство, пожелали даже (вопреки историческим традициям) восстановления Великого княжества Литовско-Белорусского (терминология источника. – *Н.У.*) под немецкой опекой и просили генерала Фалькенгайна (командующего немецкими оккупационными силами в Белоруссии. – *Н.У.*) сообщить об этом императору Вильгельму (с. 208, 209). Этот документ, который Войнилович не согласился подписать, передал генералу граф

---

[15] Как не вспомнить здесь, что Бронислав Залесский, тоже уроженец Слуцкого уезда Минской губернии, друг Тараса Шевченко, после ссылки, став членом-экспертом Редакционных комиссий в конце 50-х годов XIX ст., до последнего дня отстаивал требование, чтобы у помещиков осталась вся земля (Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 года в Литве и западной Белоруссии. М., 1965. С. 12).

Юрий Чапский (с. 209). Но обстановка в 1918 году очень быстро изменялась. В ноябре немецкая армия потерпела поражение, в Германии произошла революция, и немецкая армия в конце 1918 года стала уходить из Белоруссии. Направляясь вслед за немцами (вернее, перед ними), Войнилович в начале 1919 года оказался в Варшаве, где сразу начал политическую деятельность.

Уже 4 января происходило собрание небольшой группы (30–35 человек), на котором Войнилович председательствовал, и где он разъяснял собравшимся сущность "белорусской концепции", бросив одновременно собравшимся упрек, что они игнорируют "кресовые интересы" (с. 228, 229). И в дальнейшем Войнилович не раз упрекал "настоящих" поляков, напоминая им, что когда в 1915 году появились беженцы из Польши, то в Белоруссии им оказывали всяческую помощь, теперь же когда пришлось бежать "белорусам", то поляки их встречают чуть ли не враждебно, в лучшем случае совершенно равнодушно относятся к их бедствиям (с. 230, 231).

6 января по инициативе могилевских помещиков Мирослава Обезерского, Константина Гордялковского и других было созвано организационное собрание "Союза поляков из белорусских кресов", на собрании оказалась "вся Минщина"; 9 января произошло новое собрание, на котором был утвержден устав – присутствовало 400–500 человек. В сущности такой Союз уже существовал ранее, но, видимо, не был оформлен организационно. В дальнейшем основной его задачей стало создание вооруженных сил для борьбы против Советской России. В результате подобной деятельности была сформирована Литовско-Белорусская дивизия, командовал которой генерал Вацлав Ивашкевич. Войнилович приводит справку, что в эту дивизию с 20 декабря 1918 по 9 августа 1919 года было завербовано 16996 добровольцев (с. 219, 220). Конечно, как боевая единица эта дивизия не могла быть сформирована без прямого участия правительства, тем более она сразу вошла в состав польской армии. 16 января происходило заседание "Союза поляков из Белоруссии". В Союзе уже числилось 300 человек, председательствовал Войнилович (с. 232). Пилсудский якобы пожелал, чтобы из Белоруссии в будущий сейм было избрано 12 человек, из них от Минской губернии – шесть, от Могилевской – два, от Витебской и Инфлянт (Латгалии) – четыре. Кандидатов в послы должен был выбрать не "Союз поляков из белорусских кресов", но "Польские кресовые советы" (о каком-либо народном голосовании нет и намека) (с. 232). 18 января Войнилович напряженно работал весь день у графа Генриха Потоцкого, у которого находился капитан Фостер, представитель американской миссии, которому было поручено в Париже на мирной конференции реферировать вопрос о

восточной границе Польши. Будущие границы Литвы намечал Мейштович, Белоруссии – Войнилович и Карл Незабытовский. Решили требовать границ по Днепру и Двине, но включить и "Инфлянты", находящиеся на правом берегу Двины. Того же 18 января в филармонии был налажен вечер, главным вопросом в котором была оборона "кресов". На вечере присутствовал премьер Падеревский (с. 233). 23 февраля у графа Генриха Потоцкого был большой обед в честь французского посла Нуланса. Войнилович на вечере вел с французским атташе разговор о восточных границах Польши. Вечером того же дня было собрание "кресовцев", на котором выступали Роман Скирмунт, М.Поровский и Студницкий (с. 240). 3 марта большой раут на пользу "кресов" (с. 241). 15 марта Войнилович, Р.Скирмунт и Мейштович у вице-председателя Парижского комитета (очевидно, вице-председателя Польского комитета в Париже); разговор о восточных границах Польши (с. 242).

31 мая по инициативе Дубейковского происходило собрание Польско-Белорусского общества. По мнению Войниловича, "с Дубейковским всегда можно поладить" (с. 248). 29 июня на очередном заседании выступал по-белорусски Алексюк, затем "немного шовинистически" – представитель "кресовой стражи" Мельхиор Ванькович (с. 250). 28 июля в гостинице "Европа" был ужин, организованный Дубейковским с целью ознакомления варшавян с белорусским движением (с. 255). Выступал по-польски Дубейковский, высказавшийся за "одну нераздельную Белоруссию с Польшей". 5 августа происходило заседание Польско-Белорусского союза, на котором председателем был избран Мирослав Обезерский, а заместителем – Дубейковский (Войнилович от председательства отказался) (с. 257).

В конце августа 1919 года Войнилович вернулся в Савичи, откуда часто наезжал в Минск и Вильно и в другие места. Оставаясь неизменным председателем Минского общества сельского хозяйства, Войнилович в 1919–1921 годах уделяет этой организации очень мало внимания, что и понятно, поскольку Общество в это время существовало больше номинально. Главное внимание Войниловича было сосредоточено на вопросах гораздо более важных: сохранение всей земли в руках помещиков, образование в составе Польского государства Белорусской автономии (в которой власть, разумеется, должна была принадлежать помещикам, персонально же возглавлять ее должен был Войнилович) и установление границ с Россией по Двине и Днепру; притязания самого Войниловича и его сторонников на Правобережную Украину, поскольку там у них земель не было, не распространялись. Все они соглашались провести на юге границу по южной границе бывшей Минской губернии.

Судя по записям Войниловича, как он сам, так и его сторонники развили в эти годы в Варшаве энергичную деятельность, требуя, чтобы в состав Польши вошла вся Белоруссия в качестве автономии. Автономия нужна была для того, чтобы не допустить того, что произошло в Польше, где сейм постановил отдать часть помещичьих земель крестьянам. В своей "автономии" белорусские помещики надеялись не допустить этого. 24 июня 1920 года Войнилович был принят Пилсудским и начал, естественно, с жалоб на возможность изъятия у помещиков части земель. Эти литания у Пилсудского сочувствия не встретили. В результате Войнилович посчитал, что хотя Пилсудский человек незаурядный, однако он деятель не "государственный, а партийный", понимая под этим, что его собеседник учитывал интересы не одних помещиков (с. 286–288).

Что реально делали эти созданные в Варшаве организации (по крайней мере – как отражена их деятельность в "Воспоминаниях")?

29 января 1919 г. у Войниловича происходило собрание Совета Союза минских землевладельцев. Договорились, что будут изо всех сил бороться против попыток изъятия какой бы то ни было части земли у помещиков. В этом деле надеялись на поддержку помещиков Познани и даже части дворян "конгрессовой Польши" (с. 236). Как это можно было сделать, т. е. как Войнилович и его единомышленники намеревались отстоять свои права на землю, не говорится, но ясно, что это можно было сделать только через сейм и, конечно, в том случае, если Белоруссия будет находиться в сфере действия законов сейма. Между тем и на сейм надежды были не очень велики. 9 февраля 1919 г. Войнилович видел делегатов сейма от крестьян, которые шли на заседание, и вот какое было его впечатление: "Ясно, что идут представители партии, а не народа: шли преимущественно крестьяне с мыслями о чужом клевере, о чужом лесе, а не с заботами о родине" (с. 238). Да, такие делегаты явно не намеревались бороться за то, чтобы в Белоруссии земля осталась у помещиков.

21 января "Союз землевладельцев" на еженедельном заседании чествовал память борцов, погибших за дело возрождения Польши, а вместе с тем собирал деньги для Литовско-Белорусской дивизии генерала Ивашкевича (с. 234).

С 13 октября 1920 г. записи касаются почти целиком условий мира с Советской Россией, прежде всего границ. Войнилович до крайности возмущен тем, что по прелиминарному миру Минск остается за пределами Польши, больше того – Минск делается столицей Советской Белоруссии (с. 296). Следующий день, правда, принес автору радость: Минск, по сообщениям газет, был занят "казаками генерала Балаховича" (с. 297). Радость, однако, была

недолговечной: сообщение оказалось газетной уткой, а вскоре Балахович, который и на вершине успеха находился далеко от Минска, оказался разгромленным и отброшенным в Польшу. 14 октября 1920 г. в Варшаве происходило массовое собрание поляков из белорусских "кресов". Пришло человек 500–600. Все были сильно возмущены тем, что большая часть Белоруссии остается вне пределов Польши. "Гвоздем собрания был отчет Мирослава Обезерского, делегированного благодаря принятым мерам кресовых организаций... в Ригу в качестве специалиста по белорусским вопросам" (с. 298). Прослушав доклад Обезерского, собрание приняло письменный протест "кресового народа", весь период после разделов трудившегося для дела возрождения Польши, а в решающий момент преданного этой самой Польшей (с. 299).

Что же должна была представлять собой Белоруссия после включения ее в состав Польши?

Войнилович несколько раз возвращается к этому вопросу, каждый раз отмечая, что были сторонники прямого включения ее в состав Польши, в частности этого требовали пограничные с Польшей уезды Гродненской губернии и Виленщины, тогда как "вся Белоруссия" настаивала на унии или широкой автономии. В Варшаве, – продолжает Войнилович, – уже кружили слухи, что как генерал Желиговский с согласия польского правительства захватил Виленщину, так и генерал Балахович захватил Минск, и что уже даже создано временное правительство Белоруссии в составе Эдварда Войниловича, Романа Скирмунта, Юрия Чапского и Ольгерда Свиды (с. 300).

После длительных дебатов было решено настаивать на том, что в составе Польши должно находиться все Великое княжество Литовское, разве с небольшими изменениями на условиях самой широкой автономии (с. 301). "Эту концепцию мы должны были проводить всеми силами в общественных и правительственных сферах, как кто умеет и может" (с. 301). С этой целью Войнилович хотел встретиться с Пилсудским, а поскольку это оказалось невозможным, то устроили встречу с вице-министром иностранных дел Пильтцем (с. 301). Обезерский стал председателем Польско-Белорусского общества (с. 301). Когда велись переговоры в Риге, главным стал вопрос уже не о границах по Днепру и Двине (для всех было ясным нереальность этого), но Войниловичу и другим хотелось, чтобы граница была проведена как можно дальше на восток, в общем так, чтобы их имения оказались в пределах Польши. Администрация Несвижского майората представила министру внутренних дел князю Сапеге проект, оснащенный планами и разными документами, в которых доказывалась необходимость прове-

дения границы по реке Птичи (с. 302). Поясним, что Птичь протекает в 10 км к западу от Минска и что при такой границе почти все владения Радзивиллов находились бы в Польше (так же, как и имение Войниловича). Осталось бы в Польше и имение Станьково, принадлежавшее одному из активных деятелей, о котором часто упоминал Войнилович, – графу Юрию Чапскому, но в то же время замок другого Чапского, владельца имения Прилуки, оказывался у самой Птичи, но на левом, т. е. советском, берегу. Один из деятелей лагеря Войниловича, В.Рачкевич, предлагал провести границу значительно западнее – по реке Случь. Рачкевич аргументировал необходимость подобной границы тем, что в таком случае в Польше останутся 250 тыс. дес. земли, принадлежавшей русскому банкиру Агаркову (в Полесье. – *Н.У.*), которая пойдет под колонизационный фонд для поляков (с. 302). Авторы проектов проведения границы по рекам напирали и на то, что охранять границу по сухопутью будет несравнимо дороже, чем по рекам (с. 310). Минские помещики, которые к тому времени везде выставляли себя представителями Белоруссии, обратились к Сапеге с просьбой делегировать в Ригу представителя Белоруссии, ссылаясь на то, что представители от Украины и Литвы есть, а от Белоруссии нет, но это не дало никаких результатов (с. 310). Тогда Войнилович попытался направить в Ригу Романа Скирмунта, но Минское общество сельского хозяйства высказалось за посылку двоих делегатов, ссылаясь на то, что Скирмунт не участвовал в работах "Кресовых советов" (с. 313) (все это делалось уже в январе 1921 г.). 8 марта 1921 г. получено известие, что на территории к востоку от Польши создано три воеводства: Белостокское, Полесское и Новогрудское, т. е. что получилась не уния с Польшей, а аннексия (с. 317). Этим польское правительство давало знать всем "представителям Белоруссии", что они никого не представляют, так как власти вообще не желали ничего слышать о Белоруссии, признавая лишь "кресы".

В конце книги находится ряд документов, тоже в большинстве писанных Войниловичем, местами они повторяют то, что сказано в тексте, местами же содержат новые факты. Как и в "Воспоминаниях", в приложении главное внимание уделено "земянам": это их имения были центрами распространения польской культуры, это сыновья "земян" в первую очередь пошли воевать против большевиков и т. д.

Новым по сравнению с "Воспоминаниями" является более детальная история возникновения в Минске "Польских народных советов на Белой Руси". Работа в этом направлении началась сразу после февральской революции, в марте, что показывает высокую организованность минских "земян". Созданный для этого Времен-

ный комитет должен был организовать выборы среди "польской народности губернии" и затем и сам "народный съезд". Губерния была разделена на 40 округов, примерно в границах волости. О предстоящих выборах следовало сообщить во все имения, города, местечки и шляхетские застенки. Каждый округ посылал по два депутата. Съезд открылся 21 мая 1917 года. Всех депутатов было 74, из них 31 из мелкой шляхты и крестьян, 15 помещиков, 10 интеллигентов, 6 панских администраторов, 5 ремесленников (с. 336, 337). Съезд постановил создать Польскую раду Минской земли, которая должна будет выделить Исполнительный комитет Рады. Председателем этой организации был избран Иероним Кеневич (крупный помещик Мозырского уезда) (с. 337). В июне 1918 года (когда губерния была оккупирована немцами) собрался второй съезд Рады, на котором присутствовало 63 человека, из них 25 шляхты и крестьян, 15 интеллигентов, 12 помещиков, 5 мещан и ремесленников. Председателем опять был избран Иероним Кеневич (с. 337).

Новые данные также содержатся в документе, согласно которому белорусские помещики выдвинули своих депутатов в Польский Сейм. Когда происходили выборы в Сейм (конец 1918 г.), то туда попали только представители "конгрессовой" Польши и западной Галиции, а от остальных частей, в том числе и от Белоруссии, – никто. Один депутат в Сейм выбирался от 50 тысяч жителей. Войнилович и его сторонники подсчитали, что в Белоруссии и "Инфлянтах" проживают 600 тысяч поляков, и поэтому выдвинули в Сейм 12 послов, которых следовало кооптировать, среди них Владислав Рачкевич – будущий польский эмигрантский президент (с. 339, 340).

Одну часть деятельности поляков, однако, ни Войнилович и никто другой (Мельхиор Ванькович, Коссаковский) не раскрыли. В Минске в тот период, когда там была советская власть, существовала польская глубоко законспирированная военная организация, о деятельности которой можно только предполагать. В 1922 г. в "Виленской газете" была помещена статья, в которой говорилось, что при царизме польские помещики в Белоруссии находились в привилегированном положении. Чрезвычайно раздраженный этим Войнилович в виленской же газете "Слово" поместил развернутый ответ, стараясь показать, как угнетены были эти помещики. Неизвестно, какая подпись стояла под статьей предыдущей, но Войнилович называет автора ее "земянином из-над Березины". Судя по всему, этим "земянином" был Мельхиор Ванькович, очень плодовитый впоследствии автор. В одной из своих книг[16] Ванькович рас-

[16] Wańkowicz Melchior. Szczenięcelata. Пишу по памяти

сказывает, как осенью 1917 года было разгромлено его имение, а вместе с тем делает неясные намеки на свое участие в подпольной, антисоветской работе. Об этом, конечно, знал и Войнилович и в одном месте своей статьи написал, что сам Ванькович с братом выполнял "непоследнее задание" при взятии Минска (имеется в виду в августе 1919 года) (с. 344, 346). О том же, и притом тоже очень туманно, пишет в неопубликованных мемуарах Коссаковский (Рукопись находится в Библиотеке Академии наук в Варшаве)*.

Удивительным образом, о "Воспоминаниях" Войниловича нет ни слова не только в пятитомной истории Белоруссии[17], но и в совсем недавно вышедшей работе Сташкевича[18].

Судя по обстановке, изложенной самим автором, он начал писать"Воспоминания" едва ли раньше 1924–1925 годов, и, таким образом, даже относительно "недавние" события отстояли от времени написания на 30–40 лет, не говоря о более ранних. Все авторы "Воспоминаний" пишут не под впечатлением только что происходивших событий, разговоров и т. д., а спустя много лет, оценивая их с точки зрения опыта прожитых десятилетий. Поэтому отношение автора к описываемым событиям следует не из того времени, **которое** описывается, а того времени, **когда** писались "Воспоминания".

Начнем с того, что так отчетливо проявлено в "Воспоминаниях" – об отношении "кресового" Войниловича к "конгрессовым". В 1863 году "кресовые" полностью шли за Варшавой, стараясь как можно точнее следовать ее "га́слам" (лозунгам), а после неудачи восстания пострадали гораздо сильнее "конгрессовых". В 1905 году и позже некоторые из "конгрессовых", высылаемые из Польши, осели в Минске и пытались стать руководителями "кресовых", считая это как [бы] делом совершенно естественным, что, однако, встретило отпор: "гости" были поставлены на место. События 1915–1921 годов показали крайнюю черствость "конгрессовых": в то время как в 1915 году беженцы из Польши получали всемерную поддержку, [а к] бежавшим из Белоруссии в 1919–1920 гг. их "братья" оказались в Польше совершенно равнодушными к бедам "кресовых". Больше того: Роман Дмовский – один из самых влиятельных польских политиков как в дореволюционное время, так и в 1919–1920 гг. – считал, что Польша – это территория, где большинство составляют поляки или хотя бы католики. В таком случае Белоруссия должна

* Недакладнасць аўтара. Трэба: в Архиве Академии наук в Варшаве.

[17] Гісторыя Беларускай ССР. Мінск, 1973. Т. 3

[18] Сташкевич Н.С. Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925. Минск. 1985.

была остаться за пределами Польши. Это до крайности возмущало Войниловича, отстаивавшего идею, что к Польше должны отойти все земли, где есть хотя бы следы польской культуры.

Однако, что такое Белоруссия в представлении Войниловича? Когда он писал свои "Воспоминания", это было нечто совсем реальное: существовала Белорусская ССР, а территория, отошедшая к Польше, называлась Западной Белоруссией (официально в Польше – это "восточные кресы", т. е. окраина Польши).

Адам Мицкевич, творчество которого в основном связано с Белоруссией ("Пан Тадеуш", "Свитезянка" и пр.), писал: "Литва – моя отчизна", – т. е. в его представлении все бывшее Великое княжество Литовское было Литвой, так же, всего вероятнее, понимали и в семье Войниловича. Однако разница между белорусом и литовцем (хотя бы в языке) была настолько ощутимой, что считать их чем-то единым было невозможно. В польской литературе и историографии для такого случая для Белоруссии применялось название "Литовская Русь" (так, например, Белоруссию называл Михал Федоровский, поляк, собравший огромную массу белорусского фольклора). Старая терминология встречается у Войниловича – "наш край... Литва и Белоруссия (с. 173), Литовские губернии: Виленская, Гродненская и Ковенская" (с. 173), – однако это уже случайное выражение, обычно же он Белоруссию называет Белоруссией. У него даже есть выражение "наш белорусский люд" (с. 38). Вторым родным языком у него был белорусский (см. выше), для Войниловича в Петербурге графиня Потоцкая пела "тоскливые белорусские песни" (с. 158).

В связи с этим следует обратиться к биографическим сведениям, изложенным самим Войниловичем. Издавна, чуть ли не с начала XIX ст., укрепилось мнение, что белорусы – это крестьяне и, в некоторой части, мещане, что касается господствующего класса, т. е. магнатов и шляхты, то они – поляки или литовцы, вернее, только поляки, так как литовцы ополячились. Возникает вопрос: были в Белоруссии когда-либо собственные эксплуататоры, т. е. феодалы, или же белорусы – извечно бесклассовый народ? Версия о том, что все помещики в Белоруссии были поляками, повторяется до последних дней. В "Воспоминаниях" Войниловича это изложено в полном противоречии с тем, что утверждают ученые Белоруссии.

История приобретения Войниловичами имения Савичи следующая. В XVI столетии оно принадлежало князьям Олельковичам-Слуцким, затем его отдали в заставу (в залог) шляхтичу Тельшевскому, за определенную сумму денег (в те времена это была обычная операция). Ввиду того что князь денег не возвратил, имение перешло в собственость от княжны Софьи Слуцкой, последней

в роде Слуцких (позже княгини Радзивилл), Анне Тельшевской. У Тельшевской было три мужа, один из которых был Войнилович. В своем завещании Тельшевская оставила Савичи своим детям от Войниловича (с. 3). Войнилович подчеркивает, что его род местный белорусский (с. 5). С того времени и до самой революции Савичи находились в роде Войниловичей. В XVII ст. (дата не уточнена) его предки перешли в католицизм. Автор отмечает, что через такие же фазы переходили* "все старинные русские роды, исключений не было" (с. 5)[19]. Полонизация фамилии отразилась и на написании: раньше писали с одним "л" ("Войнилович"), позже – с двумя ("Войниллович"). То же происходило и с другими фамилиями: в XVI ст. писали "Радивил", позже стали писать "Радзивилл" (с. 5).

Белоруссия для Войниловича – это родной край, второй родной язык его – белорусский. Чего, однако, желает автор "Воспоминаний" своей Родине? Стать как можно скорее и как можно полнее польской! Нет, Войнилович нигде прямо не сказал, что он желает, чтобы белорусы как можно скорее утратили свой язык и культуру в пользу польского, но через всю работу настойчиво проводится мысль, что они, давно полонизованные "земяне", вели работу по приданию Белоруссии польского характера. Следовательно, в конце концов, желал полонизации.

Что можно сказать персонально об авторе "Воспоминаний"? Безусловно, это человек широко образованный и деловитый, хороший организатор и хозяин (недаром же Столыпин предложил ему пост вице-министра земледелия). Вместе с тем поразительна его политическая слепота и даже наивность. Он отстаивает неприкосновенность помещичьей земли, когда у него уже никакой земли не осталось, он советует (не сказать требует), чтобы Пилсудский завоевал земли до Днепра и Двины (и даже за Двиной). Такое требование предполагает, что сам Пилсудский не мог додуматься до этого. Естественно, что для такого плана Войнилович предложить Пилсудскому вооруженные силы, которые бы выполнили такое требование, не мог. Тогда для чего было давать такой "совет"?

22.VIII.1986 г.

---

* Так у арыгінале.

[19] Это утверждение неверно, так как именно около Слуцка до самой революции сохранилась православная шляхта.

ЗМЕСТ

"Была б вострая і цікавая кніга..." (замест прадмовы). *Віталь Скалабан* 3

Предисловие 6

Маскевич Самуил 6

Радзивилл Богуслав 9

"Диариуш" витебского воеводы Яна Антония Храповицкого как источник для истории Белоруссии 10
а) Биографические данные о Храповицком 10
б) Диариуш 13

Обуховичи 22

"Памятник" Пасека 29

П.А.Толстой 31

Matuszewicz Marcin 35

И.Коссаковский. Воспоминания 49

"Диариуш" Игнатия Лопатинского 51

Китович 53

Тучков С.А. 54

Севергин В.М. 58

Ломачевский А. 62

Никотин [И.А.] 65

Мосолов [А.Н.] 65

"Воспоминания" Эдварда Войниловича 67

Навуковае выданне

Мікалай Улашчык

Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі.

З рукапіснай спадчыны

Укладальнікі
Кісялёва Яніна Міхайлаўна
Скалабан Віталь Уладзіміравіч

Рэдактар *У.А.Сарока*
Карэктар *З.Я. Губашына*
Камп'ютэрны набор *Т.С. Лубскай*
Камп'ютэрная вёрстка *А.А. Паляковай*

На вокладцы: *Мікалай Улашчык з вучнямі-наступнікамі. Мядзельшчына. 18 ліпеня 1981 г.*

Здадзена ў набор 02.03.1999. Падпісана ў друк 10.01.2000.
Фармат 60 х 84 1/16. Папера друк. № 1. Друк афсетны.
Друк. арк. 5,5. Ул.-выд. арк. 6,0. Тыраж 150 экз.

Выдавецтва «Пейто». Ліцэнзія ЛВ № 30 ад 20.08.1997 г.
220117, г. Мінск, пр-т імя газеты «Известия», 57/31

Надрукавана на прадпрыемстве «Тэхнапрынт».
Ліцэнзія № 203 ад 26.01.1997 г.
220027, г. Мінск, пр-т Ф. Скарыны, 65, к. 14, оф. 209

ISBN 985-6024-27-7
9 789856 024279

ПЕЙТО